

ВСТУПЛЕНИЕ

Детям, не сгоревшим
в огне Холокоста.

Любые новые свидетельства правды о самых страшных преступлениях XX века должны явиться предупреждением и заслоном их возможного повторения в будущем. Опасения, что судьба мальчика из еврейского гетто в местечке Бучач Тернопольской области, чудом оставшегося в живых и прошедшего через мясорубку фашистского унижения и уничтожения близких и родных, останется в забвении, а также память о тысячах замученных и расстрелянных фашистами детей, стариков и женщин, заставили взяться за перо.

Многолетний поиск моих спасителей и уцелевших родственников, переписка и встречи с чудом выжившими земляками, разбросанными по всему свету, поездки в родной Бучач к могилам-рвам на местах расстрелов, общение с сослуживцами по фронтовому полевому госпиталю, где я был сыном полка, розыск документов, подтверждающих мое нахождение в гетто, – все это способствовало написанию этих воспоминаний.

В работе я также опирался на документы Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны, Российского государственного архива социально-политической истории. Мной также использовались материалы, полученные из архивов Польши, Израиля, Украины.

Все это помогло воссоздать Трагедию уничтожения евреев местечка Бучач и моей семьи, а также рассказать о своей судьбе.

Удивительно, что по истечении стольких лет, память сохранила почти все события, поступки, особенности среды выживания, выражения лиц людей, окружавших меня, каждый кусочек хлеба и латку на одежде, но, к сожалению, некоторые имена и фамилии стерлись из памяти. О том, как мне удалось осуществить свой замысел, судить вам – тем, кто прочтет эти записки.

ГАЛИЦИЯ. МЕСТЕЧКО БУЧАЧ

Название небольшого местечка Бучач Тернопольского воеводства Галиции происходит от древнеславянского слова «буча», означающее «весна рождает воду, полную порогов и глубин». Это определение очень точно отражает ландшафт местности.

Евреи начали обосновываться в Бучаче с середины 16-го века. Бучач до сентября 1939 г., так называемого «освобождения братских народов», входил в состав Польши, а ранее, до конца Первой мировой войны, Бучач был в составе Австро-Венгрии. Городок расположен на правобережной террасе глубокого каньона небольшой реки Стрыпа, в окружении не очень высоких гор Подольской возвышенности и имеет неповторимый архитектурный облик. На одной из гор находятся полуразрушенные стены боевых башен и укреплений старинного замка 16-го столетия. В центре городка,

на маленькой квадратной рыночной площади и сейчас стоит красивая высокая ратуша со скульптурами на фронтонах, построенная в 1751 г.

Бучач – одно из красивейших мест Галиции. Местечко славилось своими еврейскими традициями. В нем с пригородами и населенными пунктами Бучачского района проживало примерно 11-12 тысяч евреев.

Примечательно, что в 1888 г. в Бучаче родился Шмуэль Йосеф Агнон (Чачкес), первый в Израиле лауреат Нобелевской премии по литературе (1978 г.), а в 1908 г. – известный всему миру Симон Визенталь – «охотник за нацистскими преступниками».

Там же в 1854 г. родился известный московский книгоиздатель Иосиф Кнебель.

Во время нацистской оккупации эти места входили в состав дистрикта Галиция, Польского генерал – губернаторства.

В Бучаче евреи были совсем другого типа, не похожие на тех с которыми я встретился в России. У нас был совсем другой уклад жизни.

СЕМЬЯ, ДЕТСТВО

Моя мать Пепа Гехт (в девичестве Гиршгорн) родилась в 1899 г. Работала в гимназии, а потом в средней школе учительницей биологии и географии. Отец Самуэль Герш (Герман) Гехт родился в 1895 г. Занимался закупками и поставками зерна.

Я родился 31 октября 1931 г. в Бучаче. При рождении я был назван Изидор Гехт.

Было у меня еще польское имя Дзюнк, так тогда у нас было принято. Родители тоже родились в Галиции. Эти сведения о родителях я узнал только в 2002 г., о чем рассказано в главе «поиск подлинных документов».

Бабушка Роза (Рейза Шушана) Гиршгорн родилась в 1880 г. и умерла в Израиле в 1963 г. Дедушка Шимон Гиршгорн был на десять лет старше бабушки и скончался осенью 1941 г. от сердечного приступа. Сердце не выдержало нацистских издевательств.

Они воспитали и дали образование четырем дочерям, трое из которых – Пепа, Маля и Яна (Хана) погибли в горниле Холокоста. Осталась жива только одна – Бетти, которая с мужем уехала в Палестину в 1935 г.

Мама была экспериментирующим биологом. Она пыталась выращивать в нашем огороде виноград и сою. В этих краях их не культивируют. К сожалению, гроздья оказались очень кислыми, а сою мама поджарила на сковородке и мы ее съели. А жареная соя оказалась очень вкусной.

В семье я был единственным ребенком и меня баловали. Нам принадлежал большой одноэтажный дом на окраине города, с небольшим садом и огородом. Вокруг жили поляки и украинцы. Детство мое было счастливым, радостным и безоблачным. В городе проживали еще две мамыны сестры, а также родители мамы: дедушка Шимон и бабушка Роза. Интересно, что у дедушки Шимона и бабушки Розы до брака были одинаковые фамилии – Гиршгорн. Как шутит мой двоюродный брат, «мы из семьи Гиршгорн в квадрате».

Тетя Яна, по мужу Каннер, была лучшей портнихой в городе, а ее муж был часовщиком. У них был один ребенок-девочка лет пяти – шести. Вторая тетя – Маля (она была в разводе) жила у бабушки с дочкой лет трех-четырёх, была учительницей младших классов. В городке проживало много родственников по фамилии Гиршгорн, в основном учителя и врачи, а до 1939 г. – владельцы магазинов и складов с хозяйственными товарами, углем и керосином (электричества не было), краской, побелкой, утварью для конских упряжек и т.п. У моего дедушки тоже была такая небольшая лавчонка. Я к нему иногда приходил в лавку и до сих пор вспоминаю эти специфические запахи керосина и угля. Когда мне было лет пять, я ходил к бабушке, он учил меня читать на идише. Его руки всегда пахли керосином. Рассказывал, помню, по картинкам в книге о потопе и сотворении мира. Бабушка регулярно ходил в синагогу и был там старостой.

Родители были в меру религиозными. Семья соблюдала кашрут, имелась отдельная посуда для мясной и молочной пищи. К субботе мама пекла халу и зажигались свечи. Основные религиозные праздники отмечались дома. Накрывался праздничный стол со сладостями и вином в серебряной посуде. На хануку горели не свечи, а фитили в масле. Отец накидывал покрывало (талес), прикреплял ремешками на лоб и руку черные коробочки (тфилин) и молился. На Пурим мне покупали деревянную трещотку.

Я могу утверждать, что получил домашнее еврейское воспитание – еврейское отношение к жизни и окружающим. Родители и родственники были скромными трудолюбивыми людьми, с соседями всех национальностей не ссорились, дружили с ними и помогали им. В тяжелые времена оккупации некоторые из них отвечали нам тем же.

Основным языком общения был польский и идиш. Мы также могли хорошо говорить и по-украински, но сейчас все эти языки мной почти забыты из-за ненужности, так как с 1944 г. я разговариваю, пишу и думаю (наяву и во сне) только по-русски. Ведь я рос и воспитывался в русской среде.

Очень хорошо запомнились счастливые субботы, когда мы, нарядные, ходили в гости к бабушке на обед. Как переполнялось сердце радостью, казалось, что оно вот-вот вырвется от счастья из груди! Чувство субботы – это особое чувство. Особенно в детстве. В те далекие времена в Польше суббота у евреев была выходным днем.

У папы было два брата и четыре сестры. К сожалению, их имен память не сохранила. Некоторые из них проживали тоже в Галиции, но в сельской местности. Там же жил второй дедушка; бабушки не помню, так как она умерла, когда я был совсем маленьким. У этого дедушки была малюсенькая сельская лавочка.

Оба брата отца занимались сельским хозяйством. Одна из сестер, младшая, работала сельской учительницей, другая – Салли Гехт (по мужу Клингсберг) проживала в Вене. Ей с мужем удалось в 1939 г. вырваться оттуда в Китай (Шанхай), а в 1947 г. перебраться в Лос-Анжелес. В 1968 г. она там умерла. Старшая сестра проживала в Бучаче, воспитывала двоих детей. Ее муж Шломо Аксельрад, работал на мельнице, а потом в Заготзерне. Еще одна сестра тоже жила в сельской местности, а ее муж работал на мельнице.

Никого из братьев и сестер отца разыскать не удалось. Все они, кроме тети Салли, сгорели в огне Холокоста. По самым грубым подсчетам, включая родственников, проживавших в Станиславе (Ивано-Франковск), в моей родне набирается человек 40-50.

Все они погибли, были расстреляны или увезены в камеры «фабрики смерти» Белжец, куда свозили евреев Галиции.

Всего в Белжеце по разным сведениям было уничтожено от 600 до 800 тысяч евреев.

Сейчас в Бучаче не проживает ни один еврей. Еврейский вопрос, поставленный нацистами и их пособниками из ОУН (Организации украинских националистов) и УПА (Украинской повстанческой армии), там окончательно решен – полный «юденфрай». Местечко свободно от евреев. Думаю, что евреи там уже никогда не поселятся. Только вросшие в землю, рухнувшие и покосившиеся надгробия на могилах старого еврейского кладбища будут напоминать, что здесь когда-то жили евреи.

Поляки в Бучаче тоже уже не живут. Украинские националисты добились своего, в соответствии со своими идеологическими планами – Украина для украинцев.

На Украине и в России осталось только по одному еврею, пережившему в Бучаче Холокост. В России – это я, а на Украине – Давид Максимович Ашкенази (1934 г.р.). Есть еще небольшая горсточка в Израиле и Америке. Остальные – замученные и растерзанные, а порой и заживо погребенные лежат в 14 братских могилах-рвах в окрестностях Бучача. Более 3000 человек было вывезено для уничтожения в Белжец. Все эти цифры задокументированы Чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний фашистов. В акте приведена карта местности, где зафиксирована каждая из 14 могил-рвов с указанием количества евреев, погребенных там.

Для наглядности: в ноябре 1942 г. в среднем на Украине погибало 1700 евреев ежедневно – 70 человек в час. Выжить еврею на Украине было почти невозможно.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Невозможно забыть сентябрь 1939 г. – «Освобождение Западной Украины от польской оккупации», когда в Бучаче появились танки. На броне сидели военные с красными звездочками на головных уборах. Мы, мальчишки, шныряли между ними. Некоторые солдаты дарили нам красные звездочки или мелочь. Обладатели этих ценностей убегали, зажав их в кулаке, чтобы не отняли старшие ребята.

Потом, по истечении нескольких дней, красноармейцы провели через город колонну польских военнопленных. Помню такой случай. Из этой колонны был отпущен домой наш сосед-поляк. Он шел по улице, а мы, ребята, обогнав его, прибежали и сказали семье, что он идет. Это был очень хороший человек и мастер на все руки. На первых порах, во время оккупации, пока мы жили в своем доме, он помогал нам немного с продуктами.

После сентября 1939 г. из магазинов пропали многие продукты и одежда. Появились огромные очереди. Частная торговля и предпринимательство были запрещены. Почему-то запомнилось, что нигде нельзя было купить чулки и носки.

Хотя нашу семью высылка миновала, многие зажиточные семьи, как польские так и еврейские, были высланы. В городе появилось очень много военных, вокруг стало много воинских частей, на окраине был построен военный аэродром, разместилась и автомобильная часть. Аэродром был разбомблен немцами в первые дни войны.

После сентября 1939 г. в Бучаче появилось несколько еврейских семей, чудом вырвавшихся из Германии и Польши. Одна такая семья снимала комнату в доме у тети, сестры отца. Это была очень приятная, интеллигентная семья. Я дружил с ними и играл с их сыном. Однако долго в Бучаче они не задержались. Как-то утром пришел к ним, а их уже нет. Тетя, почему-то шепотом, сказала мне, что ночью их увезли. Выслали почти все прибывшие семьи. Вывозили их туда, куда депортировали многих граждан во времена советской власти.

Полагаю, что многие в этих ссылках остались живы. В Бучаче все они были бы уничтожены фашистами. Все эти факты вызывают в душе двойное чувство.

ОККУПАЦИЯ. ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

Мне, мальчишке, пришлось быть свидетелем отступления. Красноармейцы шли на восток днем и ночью. Нам, местным жителям, было страшно, многие плакали, ибо чувствовали надвигающуюся беду. Еще до прихода немцев начались грабежи.

Из показаний жителя Бучача Шмуэля Розена 1925 г.р.: «За 2 дня до вступления немцев в Бучач было безвластие. Это было в первые дни июля 1941 г. Русские отступили и не было еще никакой власти. Тогда украинские националисты воспользовались этим случаем и начали грабить. Естественно, на ком они сосредоточились? На евреях... Мы сидели в закрытых домах, но эти бандиты взламывали квартиры, магазины и брали все, что им попадалось в лапы. Будущий комендант украинской полиции Казновский грабил вместе с другими. Его и других бандитов евреи хорошо помнят с тех времен».

Мародеры, с обезумевшими от вседозволенности глазами тащили все из домов и квартир, покинутых военными и семьями, пытавшимися эвакуироваться.

Когда началась война, отца в армию не взяли, он был чем-то серьезно болен. Да и мобилизация касалась лиц с 1903 г.р., а он родился в 1895 г. У отца болел позвоночник, разгибался он плохо и порой со стонами. Правда, в первую Мировую войну он призывался в австрийскую армию.

В огородах мы часто находили солдатскую форму, каски и противогазы, брошенные дезертирами, призванными в армию из наших мест. Многие из этих «вояк» уже в августе надели форму украинской полиции.

5 июля 1941 г. немцы вошли в Бучач.

Помню, как у нас в местечке местные украинские националисты торжественно, с оркестром, встречали освободителей – гитлеровскую армию. Построили на окраине,

недалеко от нашего дома, из жердей арку, украшенную цветами. Надеялись, что с помощью нацистов создадут «независимую Украину».

Невозможно забыть, как было страшно, когда подразделения украинской полиции с трезубцами на форменных фуражках (сейчас это герб Украины) с песнями маршировали по центральной улице города.

Потом уже вели толпы пленных красноармейцев под весьма «жидким» конвоем. В первые месяцы войны в плен попало не менее трех миллионов красноармейцев.

По соседству, тоже в собственном доме, жила семья старшей сестры отца с двумя детьми: мальчику было лет 14-15, звали его Изя, а девочке лет 10-11 (к сожалению, имени ее я не помню). В первый же день оккупации, немцами был убит Шломо Аксельрад, муж старшей сестры отца. Он бежал спасать своих соседей – польскую семью. Их дом загорелся во время обстрела, в доме была жена соседа и двое детей. Его убили немцы прямо у калитки этого дома. Двое детей остались сиротами, а семья без кормильца.

После того как его похоронили, наша семья решила помочь им заготовить дров. Мы успели распилить и наколоть несколько охапок, но вдруг пришел немецкий солдат – неподалеку располагалась полевая кухня. С ухмылкой он забрал все до единого полена, хотя ему объяснили, что в этой семье погиб кормилец и осталась жена с двумя детьми. Это были первые уроки, преподнесенные нам нацистскими извергами. В эти первые дни оккупации мы и не могли себе представить всех масштабов чудовищной трагедии, поэтому даже эти первые «цветочки» не укладывались в наше сознание. Возможно, поступок этого обыкновенного немецкого солдата оказался, как это не странно и цинично звучит, самым гуманным за годы оккупации.

В первые недели оккупации было убито 60 евреев, бывших советских активистов.

После этих событий я по – настоящему понял, что детство кончилось и нас ждут тяжелые испытания. Ребенком я уже больше никогда не был.

Потом через город прошло несколько венгерских частей. В первые же недели оккупации была организована местная украинская администрация и полиция, на счету которой тысячи загубленных еврейских жизней. Надежды националистов на подарок от Германии в виде «независимого украинского государства», обещанного Гитлером, не оправдалась, хотя они и очень усердствовали, проливая кровь сотен тысяч ни в чем неповинных детей, стариков, женщин. Я постоянно думаю: кто разрешил им совершать этот тяжкий грех человеконенавистничества?

За время нацистской оккупации в Бучаче было несколько крупных акций уничтожения евреев, не считая убийств без всякого повода – только за то, что ты еврей.

Сколько жизней унесли эпидемия тифа и голод, учесть невозможно.

После первой всеобщей регистрации евреев в сентябре 1941 г. было расстреляно около 350 евреев. Среди них были и женщины. В основном это были представители интеллигенции и актив города. Родственниками объявили, что все эти люди мобилизованы на работы.

Ближе к началу осени 1941 г. через Бучач по нашей улице под конвоем провели большую колонну, как говорили, румынских евреев. Граница румынской зоны оккупации пролегла недалеко от Бучача. Это была толпа оборванных, изможденных, голодных стариков, детей, женщин. Люди еле шли. Они говорили, что их ведут на переселение, но потом мы узнали, что под «переселением» подразумевалась отправка на тот свет.

Мама вынесла к калитке еды для одной семьи, в дом им войти не разрешили. Это были старые дедушка и бабушка с внуком лет тринадцати, больным от рождения. Дали им с собой что-то из еды и воду. Мама плакала. Во мне эта беспомощная и изможденная толпа вызвала огромную жалость и тоску. Хотелось кричать. За что? В чем их вина? Ответа не было. Так нас морально уничтожали раньше смерти.

Зимой 1941-1942 гг. оккупанты приказали евреям носить на левой руке белые повязки с вышитой звездой Давида синего цвета. Этой же зимой было объявлено об обязательной сдаче евреями всех меховых изделий. Вещи собирались для нужд немецкой армии. Зима была очень суровой, однако ни один еврей, взрослый ли, ребенок ли, не имел права появиться на улице в одежде, где был хоть небольшой кусочек меха.

По приказу немецких властей были созданы еврейская администрация (юденрат) и полиция. Под страхом расправ юденрату была поставлена задача выплатить большую контрибуцию. Добровольно-принудительно были собраны суммы в 50000 и 30000 злотых и большое количество золотых изделий. За невыполнение – расстрелы.

ВОН ИЗ СОБСТВЕННОГО ДОМА

В марте-апреле 1942 г. нашу семью насильно выгнали на улицу из собственного дома. Дом со всем нашим имуществом заняла прислуга из местных, работающая в немецком сельскохозяйственном имении, которое располагалось в бывшем поместье и фольварке графа Потоцкого неподалеку от нашего дома.

Одно время, зимой 1941-42 гг., отец работал в этом имении на животноводческой ферме. Он ухаживал за коровами и дежурил там по ночам. Коровы были конфискованы у еврейских семей города и окрестностей. Хорошо помню, как их гнали туда кнутами со всей округи и они ревели. Работая там, отцу удавалось что-то добывать из еды. Я к нему туда приходил и помогал, там было очень тепло и как-то очень «умиротворенно», особенно ночью: коровы пережевывали корм и казалось, что все, происходящее за стенами этого коровника только кошмарный сон.

Но уже весной 1942 г. отец лишился работы. Невозможно забыть, с какой злобой те, кто занимал наш дом, торопили нас, не разрешая брать наши собственные вещи.

Так и ушли мы по пыльной, освещенной солнцем дороге с легкими узелками вещей и тяжелым грузом унижения. Возможно, кого-нибудь из этих «новых» хозяев нашего дома или их детей учила в школе мама. По их поведению я понял, что родители с ними были знакомы ранее.

Мы ютились временно в пустой комнате без мебели, у кого-то из знакомых поляков. Вроде бы в доме семьи учителей, с которыми некогда работала мама.

Спали на тонкой подстилке на полу, ведь вся мебель и вещи остались в нашем отнятом доме.

Улица, на которой мы жили, до 1939 г. называлась Потоцкая, потом она стала носить имя Чапаева, сейчас это улица Степана Бандеры. Вот такая метаморфоза.

Этой же весной было расстреляно несколько сот нетрудоспособных евреев.

Во время первой массовой акции уничтожения, в октябре 1942 г. нашу семью спрятали в сарае на сеновале православная семья. Это были друзья моих родителей.

В тот день было убито 500 человек. Трупы лежали по всему городу. На подворье Якоба Маргулиса лежало 85 грудных детей с разможенными (прострелянными) головками. Их вырывали у матерей, убивали и сваливали в кучу.

В Белжец, на уничтожение – как тогда говорили, «на переселение» было вывезено 1500 человек. До нас, в сарай, доносились крики убиваемых, в основном больных, стариков и детей. Слышался тяжелый гул толпы, крики и ругань охраны, гонящей толпу обреченных на железнодорожную станцию, для отправки на «фабрику смерти».

Лагерь уничтожения Белжец (Польша) был расположен недалеко от ж\д ветки Львов – Люблин. Начал он строиться уже в ноябре 1941 г. Готовились заранее основательно.

В конце октября 1942 г. в Бучач были переселены оставшиеся в живых евреи из других районов и населенных пунктов: Барыша, Золотого Потока, Коропца, Монастыриска, Язловца и др. В одном месте легче уничтожить давно обессиленных и уже отчаявшихся людей.

Вторая акция была проведена 27 ноября 1942 г. Было убито 250 евреев, в основном это были старики и дети. Их убивали там, где они были застигнуты. В Белжец для уничтожения было отправлено 1600 человек. Нашей семье во время этой акции удалось спрятаться на хуторе в окрестностях Бучача. Хозяева этого хутора – Иосиф и Варвара Заривные, польско-украинская семья. Иосиф – поляк, Варвара – украинка, смелые и добрые люди. У них был сын Бронислав, лет 17-ти.

По каким-то неизвестным мне, мальчишке, признакам, взрослым иногда удавалось узнавать о предстоящих акциях уничтожения и что-то предпринимать.

РАССТРЕЛЫ. ГЕТТО

После этой акции уничтожения все оставшиеся в живых евреи, в том числе и наша семья, с теми же, но «похудевшими» узелками вещей были согнаны в организованное в Бучаче гетто.

Для гетто были определены улочки только по левой стороне от центральной дороги. Покидать гетто без разрешения было нельзя.

Гетто, куда поместили нашу семью, представляло собой одну небольшую улочку с домами в два этажа, расположенными вплотную друг к другу. Занята домами была только одна сторона улицы. Вторая была пуста, никаких домов там не было. Фасадная часть заселенной улицы хорошо просматривалась со всех сторон. Тыльная часть домов почти вплотную подходила к крутой горе, преодолеть которую обессиленные и

голодные люди уже не могли. Такое место было выбрано не случайно, оно очень помогало находить, ловить и выгонять на расстрелы людей.

Как ни парадоксально, но эта улица носит название «вульця Святого Мыколая».

Ютились мы, несколько семей, в проходной комнатухе на втором этаже. Кругом было много худых, голодных и оборванных детей и взрослых. Лежали скрюченные и опухшие от голода люди. Многие из них болели тифом. Было много вшей и блох. Еды и воды почти не было. Большая часть вещей из наших узелков, уже была обменена на еду. Было очень холодно, я часто болел, кажется, что этой зимой я был постоянно болен.

Из-за эпидемии тифа, голода и большой скученности ежедневно умирало 15-20 человек. Я даже не могу себе представить, как родителям удавалось добывать что-нибудь из еды. Вспоминаю один из таких «обедов»: в миске красная от свеклы жидкость, в ней плавают: кусочек свеклы и пять-шесть фасолин. Если удавалось съесть одну-полторы картофелины в день это уже было большим событием.

Как сейчас помню: я болел и лежал в забытьи на кровати. Мама собралась уходить. Наверное, хотела попытаться добыть где-то еды. Человек она была не сентиментальный, но в этот раз она меня как-то особенно обняла, прижала к себе, погладила по голове и заглянула в глаза. В ее больших еврейских глазах были слезинки. Наверное, она чувствовала близкую смерть. Больше я ее живую не видел. Очевидно, это было накануне третьей акции уничтожения, в феврале 1943 г. Уже стемнело, она оказалась одна на улице, у входа в гетто ее окликнул полицейский из местных украинцев, она попыталась убежать и спрятаться – он выстрелил ей в живот. Потом ее раненую, истекающую кровью отволокли в тюрьму, где она и умерла ночью в страшных муках с моим именем на устах. Все это нам потом рассказали те кто был там в это время. Мы с отцом слышали эти выстрелы и ждали ее всю ночь.

Потом мне показали этого убийцу-полицая с трезубцем на форменной фуражке (сейчас это герб независимой Украины). Как-будто этого изверга не родила и вскормила такая же мать. Каким же «ядом» он был вскормлен?

Подобные изуверские убийства совершались постоянно, по любому поводу или без повода. Особенно усердствовала украинская полиция. Так я остался с отцом без мамы.

Самая страшная, третья акция в Бучачском гетто состоялась 2 февраля 1943 г. Планировалось уничтожить всех евреев. Гетто было оцеплено большим количеством гестаповцев из г. Черткова, жандармерией и полицией со всей области.

Было убито 2400 евреев. Стариков расстреливали на месте, остальных на горе Федор, на склоне к реке Стрыпа.

Не будь к тому времени организовано гетто, такое количество людей невозможно было бы собрать, охранять, конвоировать и уничтожить за день-полтора. Ограниченность пространства и скученность гетто очень помогали палачам находить и выгонять на смерть обреченных людей, а тех, кто не мог двигаться, убивать на месте. Чувствовался уже давно приобретенный и испробованный большой опыт в этом палаческом деле.

Как свидетельствовал на суде немецкий палач из полиции службы безопасности Альберт Бреттшнайдер, во время этой акции людей строили в ряд по десять человек, включая и детей, заставляли наголо раздеваться, подгоняли к яме и расстреливали.

По рассказам местных жителей изо рвов долго потом слышались стоны, кровь сочилась по склону и вода в реке была красной от крови.

Во время этой акции нам удалось спастись в схроне, который был в гетто. На лестнице, между первым и вторым этажами, была глухая темная комнатка. Заранее дверь этой комнаты заделали и побелили под старую стену, лаз туда сделали из туалета. Набралось туда человек 20-30, стояли почти вплотную. Немцы и полицаи схрон не обнаружили. Снаружи, за тонкой перегородкой слышался топот, голоса, крики и выстрелы. Казалось, что там слышно наше дыхание. Тут же, в доме были убиты несколько больных стариков, остальных узников гетто увели на расстрел. Когда нас искали, в схроне захныкал маленький ребенок. Мать ребенка, боясь, что нас всех обнаружат, положила ему на голову подушку. Через некоторое время (а оно тянулось очень долго – вечность), когда все снаружи стихло, подняла подушку, ребенок был мертв. Все стояли и плакали молча. Такой трагической ценой во время этой акции, в схроне остались все живы. Если бы нас обнаружили, всех тут же расстреляли бы. Сегодня содрогаешься от этих воспоминаний.

Во время встречи в Бучаче в 2000 г. с приехавшими на могилы погибших земляками из Израиля, я рассказал про этот трагический случай. Один из них, Вилли (Зеев) Андерман вспомнил, что он тоже прятался в этом схроне.

Хочу обратить внимание, что по свидетельствам выживших, многие акции уничтожения проводились по письменным «просьбам» украинской и польской интеллигенции. Так в январе 1943 г. украинские врачи Бенах и Хамерский обратили внимание немецких властей, что в «еврейском жилом квартале» распространяется эпидемия тифа, которая угрожает христианскому населению и необходимо раз и навсегда положить этому конец.

13 апреля 1943 г. в гетто была проведена очередная, но уже ночная акция. Во всем городе, но особенно в гетто, стоял страшный крик. Ночью звуки очень усиливаются. Людей вели на гору Федор и там расстреливали. Было убито 1250 человек. Во время этой акции нашей семье и еще нескольким евреям, удалось спастись. Мы спрятались в другом схроне, тоже в гетто, построенном под лестничной площадкой первого этажа, перед первым лестничным маршем. Землю оттуда выносили ночью, копали лежа. Был выкопан горизонтальный подкоп с подпорками, чтобы не обвалилась лестничная площадка. Лаз в схрон был сделан с внутреннего двора дома, замаскированный под решеткой люка, для стока помоев. Во время акции в этом подкопе, в кромешной тьме, мы лежали вплотную друг к другу, почти не дыша и не шевелясь. Над нами слышался как гром топот кованых сапог, ругань, крики, выстрелы. В этот раз нас тоже не нашли, смерть снова миновала. Ощущение, когда над твоей головой, совсем рядом, топает смерть, передать невозможно. Хотелось закрыть глаза, превратиться в букашку и залезть подальше в норку, не высываясь оттуда. Казалось, сердце стучит как колокол и там, наверху, слышен его стук. Не верилось, что снаружи день, светит весеннее солнце, казалось, что отсюда уже никогда не выбраться.

Во время одной из апрельских акций, сопротивляясь, один молодой еврей застрелил украинского и ранил немецкого полицейских. За это он был облит бензином и заживо сожжен. Мне позвонил Вилли (Зеев) Андерман из города Холон (Израиль), где он возглавляет Бучачское землячество. От него я узнал, что этим молодым человеком был его брат, Янэк Андерман 1921 г.р.

ПОБЕГ

Этой же весной 1943 г., у нас в городе, кроме гетто был организован еще и концентрационный рабочий лагерь принудительного труда для оставшихся в живых евреев, в основном мужчин. В этом лагере были собраны люди еще способные работать. Попали в этот лагерь и мы с отцом. Лагерь был организован на улице Подгаецкой, недалеко от центра города.

Отца и других мужчин, под наблюдением, водили на работы по заготовке щебня и гравия. Работали в карьере, у реки Стрыпа под горой Сокол. Работа была каторжная, кормили очень скудной баландой, нормы установлены были непосильные. Работали специальными молотками и кувалдами. Отец брал меня с собой и я ему помогал.

Каждый работающий насыпал свою норму, пирамиду гравия, а в конце смены приходил немец – обмерял сделанное. После обмера каждая пирамида метилась, обрызгивалась веником, раствором извести из ведра. Чтобы работающие на следующий день, не брали оттуда гравий и не могли выдать за свою работу. Перед ликвидацией рабочего лагеря, примерно в мае-июне 1943 г. группе людей из этого лагеря удалось бежать. В этой группе были и мы с отцом. Темной ночью, во время дождя, колючая проволока была прорвана, и мы оказались по ту сторону, растворились в темноте и скатились в овраг. Нас спрятала у себя дома молодая польская семья. Думаю, что они были как-то связаны с нашей семьей. Возможно, бывшие ученики мамы или когда-то работали с отцом. Жили они на окраине города, где-то на Чертковской улице. На маленькой кухне, рядом с печкой, была вырыта яма, где мы с отцом и пережили пятую акцию.

К сожалению, фамилию и имена поляков память не сохранила, и найти их не удалось. Семья эта состояла из мужа, жены и ребенка примерно двух лет. К несчастью нас обнаружили родственники этих добрых людей. Нам пришлось ночью, по оврагам уходить из города, так как была угроза доноса, и тогда нас и тех, кто нас прятал, расстреляли бы. Все передвижения и побеги совершались только ночью, так как боялись встреч с полицией.

Особенно боялись местной украинской полиции и доносчиков. Для них охота на евреев, грабеж их имущества, избиения и убийства беспомощных и безоружных людей, было развлечением. Эта охота доставляла им большое удовольствие, непостижимое нормальному человеку. Так было, хотя бывшие палачи это отрицают. Сколь же невинных жизней было ими загублено?

После этого, мы, как затравленные звери, прятались на самых дальних окраинах города, окрестных сел и хуторов. Прятались в оврагах, ямах, посевах пшеницы и ржи, в лесах. Еды и воды почти не было. Переживали недозревшее зерно. Я терял

сознание от слабости и голода, слизывал росу с листьев и колосков, постоянно находился в полузабытьи. Страх быть обнаруженными преследовал нас постоянно. Это состояние передать невозможно.

Отец ночью уходил куда-то и иногда приносил поесть. Помню, однажды, принес несколько черных редек, пяток вареных яиц, буханку хлеба и пару бутылок воды. Эту еду мы растянули на две-три недели. Так, постоянно прячась, мы пережили все последующие акции уничтожения, о которых будет рассказано ниже.

11 июня 1943 г. в гетто была проведена еще одна акция. Было разыскано и расстреляно за еврейским кладбищем 500 человек. После этой акции гетто в Бучаче было ликвидировано. Однако 26 июля 1943 г. была проведена еще одна акция-«зачистка» по всему городу и в его окрестностях. Было поймано и убито 1000 евреев.

Здесь особенно зверствовало местное население, можно было поиздеваться и отобрать у обреченных перед смертью все.

В актах Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний фашистов в Бучачском районе приведена цифра – 13670 уничтоженных и закопанных в могилах - рвах евреев. В трех местах массовых казней было 14 таких могил.

В Белжец, на уничтожение, было вывезено 3100 евреев. Кроме этого много евреев было убито в лесах, полях, оврагах и огородах. Убивали в любое время и в любом месте.

Многих выдавали местные жители и соседи, стоило только указать пальцем или кивком головы на место, где прячутся евреи. Так, 4 февраля 1944 г. в лесу, возле с. Зубриц было расстреляно 10 человек, в том числе мать и сестра моего друга Давида Ашкенази. Убили их не немцы, а каратели, говорившие по-украински.

23 февраля пришло освобождение, всего 20 дней они не дожили до этого светлого дня.

СПАСИТЕЛИ – ПРАВЕДНИКИ МИРА

Неумолимо надвигалась осень, становилось холоднее, прятаться было все сложнее. Зерно и овощи с полей убрали, листья опали, пошли дожди. Еду стало почти невозможно добывать.

Примерно в октябре 1943 г., в очень дождливую погоду, мы с отцом перебрались на хутор к Заривным, в окрестностях Бучача. Пробирались ночью, чтобы не быть замеченными. На этом хуторе мы один раз уже прятались, во время ноябрьской 1942 г. акции уничтожения. На хуторе уже были бабушка Роза и тетя Маля с дочкой трех-четырёх лет. С хозяевами об этом было договорено ранее. Из разговоров взрослых я понял, что основным мотивом их поступка являлись взаимная дружба, выручка и поддержка. Когда-то семье Заривных, наша родня (семья Гиршгорн) помогла в трудные для них времена, еще до 1939 г.

О том, как удалось из города переправить на хутор бабушку и тетю с дочкой, я узнал от дочери брата Варвары Заривной – Оресты Лозинской, проживающей в Бучаче. Вот что рассказал ей отец – Луцив Михаил Иванович. В те далекие, трагические времена его семья у себя дома перепрятывала еврейскую семью.

Однажды ночью, выбрав подходящий момент, он на возу, под соломой вывез их к сестре, на хутор.

Прятали нас так: над коровой в сарае, был сделан двойной потолок, набитый половой и соломой. Там мы лежали в темноте, почти без движения, не разговаривали, общались жестами. В темное время отгребали верхний люк, спускались с потолка и на очень короткое время выходили. Чего-нибудь съестного хозяева давали нам раз в сутки: борщ, суп или картошку, иногда с кусочком хлеба. Хозяева тоже не шиковали, питались тем же, но еда и хорошее отношение к нам нас очень поддерживали. Спасибо им!

Все делалось очень скрытно, на соседнем хуторе не должны были даже догадываться, что здесь прячутся люди. Все были подавлены, силы были на исходе. Несколько раз зимой, когда было особенно холодно, нас на ночь забирали в хату. Все спали вперемешку, хозяева и мы.

Немцы отступали, и уже далеко-далеко на востоке, слышался гул канонады. В тот роковой день, 18 февраля 1944 г., уже смеркалось, на хуторе все как-то расслабились. Вроде ничего не предвещало беды, но неожиданно нагрянули отступающие каратели. Отец, с тетей Малей и ее дочкой, были в сарае, внизу, мы с бабушкой были одни в хате. Во дворе послышался какой-то шум и крики по-украински, мы с бабушкой быстро поднялись из сеней на чердак, подняли лестницу и спрятались в соломе. Хозяев в хате не было. Отец с тетей Малей и ее дочкой, которую она держала на руках, побежали с хутора. Их убили метрах в 50-100 от хутора. Мы с бабушкой сидели на чердаке и слышали их предсмертные крики. Хозяев не тронули, так как на хуторе никого не нашли, а карателям не было видно, с какого хутора бежали люди. На чердак, где спрятались мы с бабушкой, никто не поднялся, наверное решили что никого там нет, а возможно под рукой не было лестницы. Если бы нас обнаружили, этой смелой и доброй семье, как и нам, была бы уготована верная смерть на месте.

Уверен, что папа с тетей Малей сознательно убегали с хутора, уводя оттуда карателей. Ценой своих жизней они спасли тех, кто был в это время на хуторе. Похоронили, а вернее закопали их там же ночью в поле.

Так, благодаря их подвигу и подвигу наших спасителей – Иосифа и Варвары Заривных, я и бабушка остались живы. Спасая нас, эти добрые люди, ежесекундно рисковали своими жизнями. Спасибо им за этот героический поступок.

Со своими спасителями, после освобождения города, я больше не увиделся.

Только летом 1950 г., после 1-го курса техникума, на сэкономленные от стипендии деньги мне удалось съездить в Бучач, в надежде найти кого-нибудь из близких, узнать о судьбе бабушки и о своих спасителях, но о них никто ничего не знал. На том месте, где был хутор Заривных, рос бурьян. Хата и другие постройки не сохранились. У работавших рядом трактористов удалось выяснить, что хутор сгорел, а сами они уехали в Польшу. Адреса их мне узнать не удалось. Не удалось найти и место захоронения отца и тети с дочкой.

В то время, после войны, всех поляков с Западной Украины добровольно-принудительно переселяли в Польшу, а украинцев из Польши на Украину. След наших спасителей затерялся на долгие годы. Их мужество, рано или поздно, должно

было быть увековечено Израильским Мемориалом Катастрофы «Яд Вашем», присвоением им почетного звания «Праведники Мира». Эту не простую задачу я поставил перед собой.

На ее решение ушло несколько лет. Я вел долгую и упорную переписку с Яд-Вашем. По рекомендации Московского центра «Холокост» обратился в Бучачскую районную газету. Через раздел «Пошук» (Поиск), под заголовком «Допоможіть знайти наших рятувальників» (Поможем найти наших спасителей) газеты «Нова доба» удалось разыскать в Бучаче племянницу Варвары Заривной – Оресту Лозинскую. (См. Приложение)

Она сообщила адрес внука наших спасителей – Юзека Заривного, проживающего в Польше в г. Зелена Гура. К великому сожалению он не откликнулся на мое письмо и на обращение к нему из «Яд Вашем». (См. Приложение)

Ореста Михайловна, из рассказов отца (брата Варвары), внесла полную ясность и письменно подтвердила, что семья ее тети спасала евреев, и ее отец тоже помогал им в этом деле.

В Бучаче, при встрече, мне была подарена фотография Варвары. Ее я узнал сразу. Фотография с моим пакетом документов и очередным ходатайством, была отправлена в «Яд Вашем». И вот счастливый финал – Спасители увековечены!

Специальная комиссия постановила: «Присвоить почетное звание «Праведники мира» Заривным Иосифу и Варваре». Их имена будут выгравированы на Стене Почета, в «Яд Вашем». (См. Приложения)

Медаль и почетная грамота, в торжественной обстановке, были вручены племяннице Варвары – Оресте Михайловне Лозинской в г. Львове. Поставлена точка. Я наконец-то успокоился.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ

Уже 24 февраля 1944 г. город Бучач и его окрестности были освобождены Красной Армией. Наступил долгожданный Светлый День появления из небытия на свет. Одну неделю не удалось дожить до освобождения отцу с тетей и моей маленькой кузине.

Так завершилась первая, 32-месячная оккупация Бучача фашистами, принеся нечеловеческие страдания и многочисленные жертвы.

Когда мы с бабушкой вернулись с хутора в город, оказалось, что у нас нет ни кола ни двора. На месте дома родителей было пепелище. Дом сгорел во время боев за освобождение города. В бабушкиной квартире жили другие люди. Из вещей у нас было только то, что надето на нас. Вспоминаю глаза и слезы, растерянность и отчаяние бабушки Розы, с которой мы чудом остались живы, а трех ее молодых дочерей с детьми уничтожили. Этот взгляд преследует меня всю жизнь.

Ютились мы, с такими же, чудом выжившими людьми, в центре города, в каком-то полуразрушенном доме без стекол. Окна были завешены тряпками. Спали на тряпье, на железной кровати, принесенной из бывшего фашистского госпиталя, размещавшегося в школе.

В свои 63 года, в перелатанной и почти истлевшей одежде, бабушка выглядела надломленной, сгорбленной и очень-очень старой. Из наших родных, после освобождения этих мест Красной Армией, никто не объявился. Уцелеть еврею на Украине было делом невозможным. Только исключительное везение или чудо могло привести к спасению. С нами произошло такое чудо.

Через некоторое время Бучач был оккупирован вновь. Не многим, из оставшейся в живых горсточка евреев удалось уйти из города с отступающими войсками на восток. Многие не смогли уйти, так как при отступлении был срочно взорван «Черный мост» через реку Стрыпа. Во время второй оккупации почти все оставшиеся евреи были уничтожены.

Война прошла через Бучач четырежды (два раза туда и два раза обратно). Мы ушли сначала в г. Чертков, а потом в г. Скалат, а это примерно 80-90 км. от г. Бучача. Шли два-три дня, в страшную распутицу. На дорогах и полях были глубокие колеи, оставленные военной техникой, наполненные водой. Обувь развалилась, а то, что осталось от ботинок на ногах, было обмотано тряпками. Да и сами мы были в лохмотьях.

Казалось, что земная хлябь засасывает в себя людей, лошадей, военную технику. Вспоминается очень тяжелый, трагический момент этой дороги. Было это где-то в чистом поле. Над нами шел воздушный бой. Вой самолетов, стрельба. Бабушка совсем выбилась из сил и идти не могла. Она опустилась на землю, махнула рукой вперед, и настойчиво сказала: «Иди один, может хоть ты спасешься, а я отдохну, сил больше нет». В Чертков я пришел один. Только на следующий день туда, еле живая, пришла моя бабушка. Ноги у нее сильно опухли, посинели, стали как будто налитые свинцом.

На следующий день срочно ушли в г. Скалат, так как немцы продолжали наступление и началась паника.

СЫН ПОЛКА

В г. Скалат, чтобы выжить, мне пришлось заниматься попрошайничеством. Меня очень поддерживали красноармейцы, не скупилась и офицеры. Несколько, почти целых зданий занял полевой фронтальной госпиталь. Ребята сразу сообразили, что там можно разжиться чем-нибудь съестным. Полевая кухня была огорожена и источала запахи пищи, удержаться было невозможно. К концу раздачи мы ложились на землю и просовывали под ограду пустые консервные банки. Если пища оставалась, то солдаты и повар разливали ее нам. Эту еду мы бегом относили родным и вместе ели.

Сейчас, во время встреч с ребятами той поры, мы с большим теплом вспоминаем эти консервные банки и черпак повара.

Во время очередного похода за добычей еды я попал на территорию госпиталя. Был я в то время очень худ, завшивлен, в истлевшей от времени одежде и почти разут. Одного офицера заинтересовали мой внешний вид и судьба. Этим офицером оказался лейтенант мед. службы Лимарь Павел Лаврентьевич.

Попросил у него еды. Принесли мне дневную солдатскую порцию (пайку) черного хлеба, грамм 600-700, мякоть была чуть присыпана сахарным песком. Сразу

съел и попросил еще. Строго сказали, что больше нельзя, могу умереть. Вспоминаю, с каким сочувствием смотрели окружавшие меня раненые, когда уплетал этот хлеб.

Я рассказал о себе, и он предложил мне остаться в госпитале воспитанником, сыном полка.

Нужно было только согласие начальника госпиталя. Оно было получено и меня, как я понимаю из жалости, оставили. Так я стал сыном полка фронтового полевого госпиталя легкораненых (ГЛР-3424) 3-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Госпиталь входил в состав действующей армии.

В госпитале меня постригли, пропустили через санпропускник, вымыли, медсестры быстро перешли на меня гимнастерку и солдатские брюки, где-то нашлись небольшие ботинки, разрезали пополам одну солдатскую обмотку и портянку, нашли ремень. Так я из вшивого, чуть живого оборванца превратился во фронтового воспитанника, сына полка. Мою грязную, рваную, вшивую одежду сожгли.

По указанию начальника госпиталя, майора Павла Иосифовича Румана, мне были определены обязанности связного и посыльного, я постоянно находился рядом с дежурным по госпиталю и выполнял его поручения, а также помогал санитаркам и медсестрам ухаживать за ранеными и больными. Любая пара рук, даже подростка, была тогда очень нужна. Когда бои заканчивались, начинался бой за спасение раненых. Особую категорию раненых составляли обгоревшие танкисты из подбитых танков. Они были беспомощны, и им требовалась особая помощь. Ведь вся голова и руки были полностью забинтованы. Говорить они не могли, нужно было догадываться, что им требуется. Нужно было их выхаживать. Мне приходилось дежурить около них, поить и кормить с ложки, помогать с туалетом, умывать, водить за руку тех, у кого были забинтованы глаза, помогать принимать лекарства, выносить ведра и посуду...

Я делал любую работу наравне с обслуживающим персоналом госпиталя.

Приходилось часто вызывать дежурных врачей и медсестер к раненым и больным, теряющим сознание, а порой и умирающим у тебя на глазах. Через некоторое время обгоревших танкистов отправляли долечиваться в тыловые госпитали.

Было перекатано много километров бывших в употреблении, стиранных бинтов, поскольку новых не хватало.

Хотя война и не детское дело, но таких подростков, как я, на фронте и в тылу были тысячи. Многие спасшиеся от смерти еврейские дети нашли приют в армии.

Танковая армия, по характеру боевых действий, очень мобильна. Входя в ее состав, госпиталь двигался вместе с ней и должен был с ходу разворачиваться. Передислоцировались, в основном, на телегах и грузовиках. Располагались в палатках, землянках, бывших конюшнях, складах, школах и не очень разрушенных зданиях. Во время передислокаций, госпиталь подвергался бомбежкам и обстрелам. Медперсонал работал сутками, однако умудрялись находить время и для отдыха. У нас была даже своя самодеятельность, выступали перед ранеными. Я также принимал в ней участие.

Подчинялся я старшине 3-го отделения Петренко (не помню его имени и отчества). При расставании он дал мне на память свою фотографию, жаль, что без подписи. Опекал меня лейтенант медицинской службы Павел Лаврентьевич Лимарь, которому я помогал, когда он занимался с выздоравливающими. Им была разработана методика и целая программа физических упражнений, специальные приспособления и процедуры для разработки гибкости рук и ног, утраченной в результате ранений, операций и вынужденной неподвижности. После этих упражнений и процедур, у раненых, казалось бы совсем неподвижные и деформированные пальцы и конечности, начинали нормально функционировать. Бойцы возвращались в строй.

Павел Лаврентьевич был очень чуткий и сильный человек, еще до войны ставший мастером спорта по метанию молота. С ним я поддерживал связь до самой его смерти. Жизнь так распорядилась, что после войны он проживал в Москве, а я оказался в детском доме в Подмосковье.

Работал он на кафедре легкой атлетики в институте физкультуры, защитил диссертацию. Во время одной из наших с ним встреч, уже после войны, он мне объяснил, что мое постоянное присутствие в госпитале и круглосуточное общение с ранеными поддерживало их морально и психологически, помогало им, разлученным войной с семьями и родными, выздоравливать. Они видели во мне оставленных где-то далеко-далеко своих детей и близких, о судьбе которых они порой ничего не знали. Их волнения и тревоги немного сглаживались моим присутствием и вниманием к ним. Многие раненые спрашивали меня о моих родителях, семье и планах на будущее. Со многими врачами и медсестрами, разбросанными по республикам СССР, я переписывался до самой их смерти.

При подготовке к наступлению на Львов и Перемышль госпиталь был срочно передислоцирован из г. Скалат на фольварк в село Курники Иванчанские Сборовского района, а бабушка осталась в г. Скалат. Так оборвалась связь с единственным близким мне человеком, с которым мы пережили страшную трагедию уничтожения нашей большой семьи. Я с ней больше не виделся, но чувство вины перед ней осталось на всю жизнь. О дальнейшей судьбе бабушки сказано в другой главе.

У нас, детей той военной поры, была жгучая ненависть к палачам. Мы очень хотели быть хоть чем-нибудь быть полезными армии, и это заставляло нас, подростков, совершать такие необдуманные поступки – оставлять близких. Этому способствовали и ужасный голод, и любопытство, и какое-то детское отсутствие страха после пережитого. А тут в госпитале вокруг тебя взрослые и сильные люди из роты охраны с оружием в руках, в военной форме, а впереди, казалось, столько неизведанного, и ты тоже в военной форме, помогаешь раненым, которым ты очень нужен.

В селе Курники Иванчанские, на фольварке под госпиталь были задействованы все уцелевшие здания, конюшни, склады, вспомогательные хозяйственные постройки, помимо развернутых палаток. Везде были установлены нары для размещения раненых.

Во время боев за Львов и Перемышль поступило так много раненых, что пришлось ставить много дополнительных палаток.

Оперировали в большой хирургической палатке круглосуточно. Весь персонал работал без сна и отдыха, пока не были размещены и обработаны все раненые. Среди раненых, которые поступили в госпиталь, были и такие, кто уже лечился в этом госпитале и уже знал меня. Встретились мы с ними как старые друзья.

В конце июля, начале августа 1944 г. началась подготовка к захвату Сандомирского плацдарма. Последовала новая срочная передислокация в Польшу, в г. Ярослав. В Иванчанах еще работал госпиталь, а в Ярославле мы уже начали срочную подготовку к приему раненых.

Недавно просмотрев документы госпиталя в Центральном архиве Министерства обороны, я могу привести некоторые данные о его работе за время моей службы в нем. Хочется, чтобы читатель представил себе масштабы работы полевого госпиталя, по лечению и возвращению в строй бойцов и командиров во фронтовых условиях действующей армии.

Дислокация ГЛР-3424	Период 1944г. месяцы	Находилось на излечении	Выбыло после лечения	Поступило на лечение	Освободительные операции
г.Скалат	IV-VI	688	641	428	Освобождение г. Тернополя и области
Село Курники Иванчанские	VII	931	482	1199	Львовско- Перемышльская и Сандомирская операции
г. Ярослав (Польша)	VIII	868	396	919	

В этих цифрах, свидетельствующих о раненых и вылеченных в той большой, кровавой и невероятно тяжелой войне, есть и маленькая доля моего участия.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СУВОРОВЕЦ

Летом 1944 г. я был почти неграмотным. Успел окончить только два класса украинской школы. С 1941 г. по 1944 г. я нигде не учился, хотя по возрасту должен был начать учиться уже в 5-м классе. Командование решило, что пора отправить меня на учебу в тыл в Суворовское училище. Меня вызвал начальник госпиталя и в приказной форме заявил: «Помог ты нам хорошо, управимся без тебя, пора учиться, а то останешься неграмотным. Ты сирота, чудом остался жив, мы за тебя теперь в ответе».

В это время в госпитале с легким ранением лечился молодой лейтенант Михаил Зацепин. Приказом командования он был поощрен кратковременным отпуском на Родину, так как чем-то здорово отличился. Родом он был из Ставропольского края. Ему и поручили определить меня в Суворовское училище (в Ставрополе оно уже функционировало).

Из Польши до Ставрополя добирались в основном на попутных товарняках. Один перегон преодолели даже на паровозе.

В справке, выданной мне в госпитале, было написано (цитирую по памяти):

«Гехт Исидор (*не Изидор* – В. Г.) Германович, воспитанник военно-полевого госпиталя легкораненых (ГЛР-3424) 3-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, сирота, 10 лет, направляется в тыл, в Суворовское училище».

Мне выдали продуктовый аттестат, запасное белье и даже какие-то деньги, за которые первый раз в жизни я расписался в ведомости. В архиве госпиталя, с содержанием которого я познакомился уже после признания меня участником ВОВ, в раздаточной ведомости на выдачу денежного содержания за июль месяц 1944 г. под №72, была сделана такая запись: «... красноармеец Гехт получил 17.00 рублей (8 руб. 50 коп., основной оклад и 8 руб. 50 коп. полевые).

Отправляющие меня в тыл офицеры были людьми с большим жизненным опытом, и поэтому повторили несколько раз, чтобы я запомнил: «Тебе 10 лет, выглядишь не старше, ты почти неграмотный и надо учиться. Документов, когда тебя подобрал госпиталь, у тебя не было. Это твой шанс получить образование, забудь что ты родился в 1931 г. Пойдешь в 3-й класс, в 5-том учиться не сможешь, ведь ты окончил только два класса.»

Я эти слова очень хорошо запомнил. Так с августа 1944 года, моим годом рождения стал 1934 г., я стал почти на 3 года моложе. С этого момента во всех моих официальных документах, годом моего рождения значится 1934-й. Только став взрослым, я понял, какими прозорливыми были эти люди. Смогли предвидеть дальнейшие события в моей жизни. Благодаря им, я стал образованным человеком и грамотным инженером.

После окончания отпуска, на обратном пути, мы с Михаилом заехали в Ставропольское суворовское училище. В училище меня не взяли, возможно помешала моя неграмотность, или что-то другое, трудно сказать, можно только предполагать.

И опять попутные товарняки до Харькова. В Харьковское училище меня тоже не взяли, но порекомендовали ехать в Курское училище. Время поджимало, у Михаила заканчивался отпуск и я принял самостоятельное решение – я еду в Курск, а он возвращается на фронт. На мое имя имелся продуктовый аттестат, хлеб и продукты буду получать на ж\д станциях, как командировочный солдат. Договорились, что если ничего не получится, вернусь на фронт. В Курске снова осечка – опять не взяли, а посоветовали ехать в Тульское училище. Но и в Туле тоже не взяли, под каким-то предлогом, а посоветовали ехать в Москву, в Управление суворовскими училищами. Опять дорога, и вот Москва, Курский вокзал.

На вокзале познакомился и подружился с двумя такими же кандидатами в суворовцы, приехавшими в Москву за справедливостью. Один из них – Валера, был чуть постарше и повыше нас, с погонами летных частей, другой парнишка – партизан из Белоруссии (имени его я не помню). Партизан был одет, с ног до головы, в одежду мышиноного цвета, перешитую из трофейного немецкого обмундирования. Ночевали на вокзале, на полу. Кормили мы «нашего партизана» продуктами, получаемыми на наши с Валерой солдатские аттестаты.

В памяти сохранился удивительный случай. Наша троица решила пойти в зоопарк, ведь мы были еще детьми. У одного из вольеров, кажется с крокодилами, мы так увлеклись, что не обратили внимания на то, что нас окружили ребята не старше 10

лет. У меня из кармана вытащили «бумажник» (складывающийся мешочек из пропитанной чем-то парусины) с документами и фотографиями. Пропажу я обнаружил сразу, кажется даже почувствовал какое-то движение в кармане. Мы с друзьями пытались что-то сделать, но мои «благородные» карманники пожалели меня и положили мои документы на видном месте ограды. Думаю, что ими руководил взрослый. Таково было мое первое знакомство с карманным жульем. Кратковременная дружба, между нами тремя, была очень искренней и теплой. Каждый из нас пережил свою кровавую трагедию и здесь мы оказались вместе совершенно случайно. Нас объединила общая цель, желание попасть в Суворовское училище. В Главном управлении училищами нам сказали очень жестко: «Прием закончился!». Тут вмешались совсем непредвиденные обстоятельства.

Еще в Туле на вокзале я познакомился с пожилым майором Андреем Трофимовичем Фроловым. Он, расспросив меня, дал свой московский адрес, сказав: «Будет тяжело, зайди». Как чувствовал...

Жил он в Доме старых большевиков в переулке Стопани, недалеко от Чистых прудов. Я зашел к нему за советом. Он посоветовал нашей троице пойти в приемную Президиума Верховного Совета СССР, может там помогут. Там предложили только детский дом. Мы наотрез отказались.

Я решил возвращаться на фронт, Валера в свою летную часть, там служил его брат, «наш партизан» – в Белоруссию, к бабушке.

Обнялись мы напоследок, как это делали взрослые солдаты. Пожали друг другу руки и расстались. Взрослели мы быстро на войне

Перед отъездом на фронт я пошел прощаться со своими новыми московскими друзьями: Андреем Трофимовичем Фроловым и его женой Ларисой Васильевной Ружейниковой – добрейшими людьми. Они ненавязчиво убедили меня, что пора начинать учиться. Да и сам я это чувствовал, так как читал по слогам. Очень хотелось учиться, особенно читать книжки.

Пошел «сдаваться» в Приемную Президиума Верховного Совета СССР, где мне дали направление в Даниловский детский приемник-распределитель в Москве.

Немного об Андрее Трофимовиче Фролове: потомственный донской казак, примкнул к революционному движению, отбывал сибирскую ссылку, член партии большевиков примерно с 1902 г., участник движения Красного казачества, интернационалист, душевный, равнодушный к чужой судьбе человек.

Его жена Лариса Васильевна тоже участвовала в революционном движении. Работала она зав. кафедрой политэкономии в одном из Московских ВУЗов. Человек она была замечательной доброты.

С этой очень чуткой семьей я поддерживал связь до самой их смерти. Их внимание было мне большой поддержкой. Я бывал у них во время каникул. Эта семья стала мне как родная. Как это было важно для детдомовца!

Дружбу я поддерживал и с их дочерью – Инессой Андреевной и ее мужем – Львом Борисовичем Левановским. Очень жаль, что их уже тоже нет с нами. Сейчас мы часто встречаемся с дочерью Левановских – Эвелиной и ее сыном Андреем,

названным так в честь прадеда Андрея Трофимовича. Заботы и проблемы наших семей стали общими.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Из Даниловского приемника-распределителя примерно 23-25 сентября 1944 г. меня направили в Рахмановский детский дом, расположенный в деревне Ивакино, Химкинского р-на Московской обл. Так начался новый этап моей жизни – детдомовский. Так как по документам мне было 10 лет, то определили меня в третий класс. В деревенской начальной и средней школах учились вместе воспитанники детского дома и местные ребята.

Ох, как далеко я оказался от родной Галиции, но такова судьба. Теперь мне надо было самому искать свой путь. Ведь я остался совсем один, и все свои настоящие и будущие проблемы должен буду решать самостоятельно, полагаясь только на себя. Всего придется добиваться своим трудом, ни на кого не оглядываясь и не надеясь.

Не очень удобное имя – Исидор, я заменил на понравившееся мне – Виктор. Так проще. Начал учиться в 3-м классе. Было это совсем непросто, так как нужно было осваивать письменный и разговорный русский язык. Третий класс я окончил кое-как, но быстро понял не очень простые премудрости русской «мовы» и уже четвертый окончил на все пятерки. Аттестат храню до сих пор, как документальное свидетельство своего успеха. Совсем по-взрослому я понимал тогда, что моя дальнейшая судьба будет, в основном, зависеть от учебы. Учился с удовольствием, пристрастился к чтению книг.

Сейчас даже смешно, но никогда не забуду первую ночь, проведенную в детском доме. Койка с матрасом, застеленным простыней и подушка с наволочкой, кругом тишина. Я разделся, лег и с непривычки почти всю ночь чесался. Ведь мне пришлось несколько лет спать почти не разуваясь и не раздеваясь. Надо было в любой момент быть готовым сорваться с места, бежать, прятаться, а уже в госпитале – выполнять какое-нибудь срочное поручение.

Детский дом был с сельскохозяйственным уклоном. У нас было свое большое подсобное хозяйство: две лошади, поля для выращивания картофеля и капусты. Мы заготавливали на зиму сено. Работали все, невзирая на возраст, включая первоклассников. Летом на утренней линейке каждый класс получал наряд и отправлялся на работы: в поле, в помощь колхозу, на уборку территории, сбор грибов и щавеля для кухни и т. п. Нами был заложен большой яблоневый сад. Каждый выкопал свою яму и посадил дерево. Сейчас сад здорово постарел, но до сих пор плодоносит. Воду для полива носили ведрами из реки Клязмы. Дежурные строго следили, чтобы под каждый корень капусты выливали по две консервные банки воды.

Почти всю работу по быту и обслуживанию мы делали сами. Зимой топили печи.

Подсобное хозяйство давало нам прибавку к скудному пайку, особенно во время войны и в послевоенные голодные годы. Все равно это не спасало, ведь мы росли. Особенно вспоминается время с 1944 по 1948 г., когда всегда, и днем и ночью

хотелось есть. Особенно чувствовался голод зимними вечерами, когда ложишься голодный спать, а до скудного завтрака еще длинная-длинная ночь. Мысли о еде занимали наши умы и души, желудки и тела.

Очень тяжело было на переменах в школе, когда местные ребята что-то жевали, а у нас – детдомовских, от запаха еды «сосало под ложечкой» и начинала кружиться голова. Летом было немного проще, приходилось незаметно изымать что-нибудь съестное с колхозных и деревенских полей и огородов. Надо было сразу съесть добычу или испечь ее на костре, так как это очень строго наказывалось и пресекалось. Иногда мы хитрились даже забираться в овощехранилище.

Весной, скрытно от воспитателей, собирали «крахмал» - это картошка, которая случайно осталась в земле, перезимовала в земле и превратилась в клейкую массу. Из нее делали такие шарики – лепешки и пекли на кострах. Казалось, что вкуснее этого «крахмала» ничего нет и быть не может.

С 1949 года стало легче, ограничения по выдаче хлеба почти исчезли. Я считаю, мне очень повезло, что я попал в Рахмановский детский дом, где были очень грамотные, добрые и профессиональные воспитатели. Они делали свое нелегкое дело не считаясь с личным временем, а порой и в ущерб своим семьям. Ведь в те военные годы многие дети были очень нервные, а некоторые долгое время беспризорничали и были сильно испорчены бродяжничеством и улицей. Педагоги-воспитатели очень переживали за нас. И самая главная их заслуга, что они научили нас трудиться. Наш детский дом был наподобие трудовой колонии, описанной в «Педагогический поэме» Антоном Семеновичем Макаренко. Ребята постарше ездили на телеге, а зимой на санях в лес за дровами. Было много хлопот с лесником, ведь валить деревья было запрещено. Особенно тяжело было зимой, работали по колено в снегу. Почти весь старинный парк вокруг детского дома зимой тоже пошел на топку. Воду для еды и прочего возили на себе в бочке, зимой на больших санках, летом на тележке из деревенского колодца. Занимались этими делами специально выделенные бригады ребят самого старшего, 4-го класса. Называли их официально «дровоколы» и «водовозы». Вставать им приходилось до общего подъема и заниматься своими обязанностями.

Только после войны, примерно с 1947-48 годов нам, детдомовцам, разрешили заканчивать семь классов средней школы. До этого всех, кому исполнялось 14 лет, отправляли в ремесленные (РУ) и фабрично-заводские (ФЗУ) училища, в которых были общежития, выдавали форменные одежду и кормили.

В 1949 году окончившим с отличием семь классов, разрешили продолжить образование в школе или техникуме.

Хочу заметить, что у нас тогда существовало негласное правило, что, где бы ты ни учился после детского дома, бывшие воспитанники могли приехать на каникулы в детский дом и жить там в это время. Как будто в своей семье, откуда тебя «вывели». Термин «выводить», возможно, и сейчас существует у детдомовцев. Нас не отправляли, а «выводили» оттуда на дальнейшую учебу для получения специальности.

Уже будучи женатым, имея четырехлетнего сына, в 1965 закончив вечерний факультет МВТУ им. Баумана, я поехал в детский дом. Его тогда уже не было, но воспитатели все еще там проживали. Я показал им диплом, и они были очень рады моим успехам. С воспитателями и директором Рахмановского детского дома я поддерживал связь до самой их смерти. Мы, воспитанники, «прикипели» к ним. Они нам много лет заменяли близких. Даже сейчас многие из нас, воспитанников, регулярно в октябре месяце приезжают к единственной оставшейся в живых нашей любимой воспитательнице, оптимистке и душевному человеку – Екатерине Ивановне Юрьевой, которой уже больше девяноста лет. Ее оптимизму можно только позавидовать. Эта черта передалась многим ребятам.

Среди наших воспитанников военных и послевоенных лет есть и лауреат Государственной премии СССР Роберт Фомин.

Его мать в 1941 году по ложному доносу была репрессирована и в 1942 году умерла в лагере. Мы дружим с 1945 года и очень подходим друг другу. Отношения наших семей давно переросли из дружеских в родственные.

Известный спортивный телережиссер Ян Садеков тоже из нашего детдома той поры.

Как сегодня помню 9 мая 1945 года – славный и трагический День Победы. Директор детского дома Парфен Афанасьевич Кулаков собрал всех воспитанников (около 100 человек) в столовой. Объявил, что война закончилась, Германия капитулировала и теперь, возможно, кого-нибудь из нас заберут из детского дома. Найдутся родители и родственники. Так оно и было. Многих после войны забрали, но я уже в этот день знал, что моя дальнейшая жизнь и судьба будет связана с детдомом.

От бабушки никаких вестей не было, да и не могло быть. Адреса моего она не знала, да и я не знал, где она может находиться. Западная Украина (Галиция) – моя «родина» – ох как далеко от Москвы, да и я тогда заканчивал всего-навсего 3-й класс Клязьминской начальной школы....

МНОГОЛЕТНИЕ ПОИСКИ РОДСТВЕННИКОВ

С первых же дней в детдоме начал думать, как разыскать единственного оставшегося в живых родного человека – бабушку Розу. Насколько позволяла грамотность, написал своему командиру – лейтенанту Павлу Лаврентьевичу Лимарю. Рассказал, что вместо Суворовского училища живу в детдоме. Попросил, что если меня будут разыскивать, то пусть даст мой адрес. Как чувствовал. Действительно, разыскивая меня, в госпиталь приезжал двоюродный брат мамы, военврач Макс Гиршгорн. Он был призван в армию в первые дни войны. Вся семья дяди Макса с тремя детьми была уничтожена. К сожалению, он не обратился за адресом к моему командиру, а только в спецотдел.

В те далекие времена по всем запутанным вопросам обращались в спецотделы. Они были везде и всюду. Казалось, что они знают обо всех все.

Но, к сожалению, начальник спецотдела нашего госпиталя капитан Гуквадзе обо мне ничего не знал. Адрес детдома был только у моего командира Павла

Лаврентьевича Лимаря. К нему не обратились. Об этом трагическом для меня событии, я узнал только после войны от командира. И мои поиски затянулись на десятилетия.

После окончания войны у многих наших детдомовских нашлись родственники, которые забрали их домой. Мне тоже хотелось найти родных. Предпринимаю еще одну попытку. Пишу в родной город Бучач на почту. Прошу письмо передать кому-нибудь из живущих там по фамилии Гиршгорн. Фамилия известная – врачи, учителя, портные... Ответ краток – такие не проживают. Очень расстроился – плохо искали. Надо бы самому поискать. Но это пока несбыточная мечта. Закончил только три класса. В детском доме хорошие воспитатели. Свое подсобное хозяйство. Научили трудиться. Привык. Но хочется хотя бы иногда получать весточку от родных, предвкушая неминуемую встречу. После пережитого не хватает ласки. Хотя по годам я был еще ребенком, детство уже кончилось, и я рассуждал как взрослый, сам строил свою дальнейшую жизнь. Это очень нелегкая ноша. Никому не желаю через это пройти. Надежда на встречу с близкими не покидала меня никогда. Если человек живет надеждой, то это придает ему силы, он действует.

Оказывается, в современном мире человек не может жить без основного документа – свидетельства о рождении (метрики, как тогда говорили). В 1947 году детдом в Химскинском отделе ЗАГСа оформил мне этот документ. Там было записано, что я, гражданин Гехт Виктор Германович, родился 2 февраля 1934 года (2 февраля взято кем-то «с потолка»), там же наискосок написано: место рождения – «неизвестно», данные о родителях – «неизвестны». Документ оказался со многими «неизвестными». Это очень удручало, но есть официальный документ – это уже хорошо. (См. Приложение)

Время идет. Семь классов окончил с отличием. Поступил без экзаменов в Кунцевский радиомеханический техникум.

Мы с другом Робертом Фоминым были первыми из всех послевоенных воспитанников Рахмановского детдома, кому было разрешено продолжить образование в техникуме.

Кунцевский городской детский дом, куда мы были переведены, был совсем другого плана. В нем не было ни педагогических, ни трудовых традиций. Большинство детей в нем уже не знали голода и не умели трудиться. Город многих испортил и развратил. Вскоре его расформировали.

Наступила пора получать паспорт.

Получил и расстроился. В паспорте было записано, что я, гражданин СССР, Гехт Виктор Германович, родился 2 февраля 1934 года (как и в свидетельстве о рождении), а место рождения названо: «Воспитанник детского дома». Как будто я сразу родился воспитанником. Глупость, но никуда не денешься. Национальность указана – «русский».

По закону оказалось все правильно. Если нет официальных сведений о родителях, то записывают национальность той республики, где выдают паспорт. Вполне мог стать туркменом, узбеком...

Итак, паспорт есть, неважно какой. Теперь я стал почти взрослым. Наконец-то могу осуществить свою давнюю мечту, на которую возлагал столько надежд. На сэкономленные от стипендии деньги беру билет и еду в родной Бучач.

Сердце замирает. По приезде в Бучач остановился в гостинице. В небольшом городке вести быстро распространяются. Тут же пришел и Борис (Бернард) Крамер и забрал меня к себе. Прожил в его семье примерно две недели.

Борис спасся – партизанил подростком.

Очень надеялся узнать что-нибудь о судьбе бабушки, дяди Макса, возможно, найдется кто-нибудь из оставшихся в живых родственников. Но, увы! Не нашел никого. Было очень грустно и тяжело. Опять один. Рухнуло столько надежд. А как хотелось хороших новостей.

Я побывал во всех еврейских семьях, их тогда можно было там по пальцам пересчитать. Везде оставил свой адрес. С некоторыми семьями потом долго переписывался. Архивы в Бучаче не сохранились. С чем приехал – с тем уехал. Но сдаваться я был не намерен, решил, что надо идти до конца. Продолжать поиски.

Окончил техникум. Распределили на крупный оборонный режимный завод. Заполнил кучу анкет. Везде писал, что о родителях ничего не знаю, воспитывался в детском доме, «не участвовал, не привлекался», придерживаясь версии метрики и паспорта. Лукавил, конечно. Напиши, что был в гетто, в лагере, и еще чудом остался жив – могли бы на работу не взять. Советоваться было не с кем, все решал сам. На работу приняли техникум. Дали в общежитии койку и тумбочку. Хочу описать общежитие тех далеких 50-х годов прошлого столетия, куда меня поселили. Огромный зал, который впоследствии стал спортзалом. В нем много-много коек и тумбочек. Люди, проживающие здесь, работали в три смены. Жить здесь было не очень уютно и не очень спокойно, но деваться было некуда. Проработав два года, решил, что надо учиться дальше. Поступил в Заочный энергетический институт. Не успев начать учебу, был призван в армию, в очень закрытые войска ПВО Московского округа. На втором году за отличную и добросовестную службу мне присвоили звание сержанта, поощрили тремя сутками отпуска в Москву.

И тут вмешался Господин Случай. Фантастика! Странное стечение обстоятельств. Во время этого отпуска в метро случайно встречаю земляка Бориса Крамера, у которого в 1950 году останавливался в Бучаче. Он перед отъездом в Польшу (потом перебрался в Израиль) оформлял в столице какие-то документы. Записал ему адрес воинской части, где я служу, фамилии бабушки и дяди Макса, военного врача, в надежде, что, возможно, их пути где-то пересекутся. Очень хотелось надеяться, что это произойдет. Как утопающий, хватался за соломинку.

И, самое главное, в Москве Борис меня познакомил с нашим земляком из Галиции, бывшим зэком ГУЛАГа, Семеном (Шимшоном) Меншером. Он воевал в Польской армии и имел польское гражданство. Несмотря на это, получил 10 лет наших лагерей за то, что после окончания войны вместе с группой энтузиастов находил в Польше и Германии чудом уцелевших еврейских детей и нелегально переправлял их в западную зону оккупации Германии. Далее их переправляли в

Израиль. С Семеном мы подружились и поддерживали связь вплоть до его отъезда в США в 1982 году.

Эта случайная встреча в 1956 году с Борисом Крамером и знакомство с Семеном Меншером сыграли в дальнейшем решающую роль в поиске близких. Но после нашего знакомства до счастливых мгновений встречи с близкими пришлось пройти еще долгий и тернистый путь длиной более 40 лет.

Моя надежда оказалась не напрасной. Пути Бориса Крамера, бабушки Розы и дяди Макса пересеклись в Израиле.

И вот результат. Перед демобилизацией получаю письмо из газеты «Трибуна люду», орган ЦК ПОРП (польской компартии), от сотрудницы газеты Михлевич. Она сообщает, что к ней обратилась сестра моей мамы Бетти Гиршгорн (по мужу Гибш), у которой двое детей. У нее проживает бабушка Роза! Живут они в городе Петах-Тиква в Израиле. Только через почту печатного органа родственной компартии, можно было, обходя цензуру, что-то сообщить в Советский Союз (см. Приложение)

Жаль, что она не сообщила мне почтовый адрес тети в Петах-Тикве. В дальнейшем это усложнило поиск. Родные просили сообщить им мой адрес, но я из воинской части писать не решился. Объект, на котором я служил, был очень закрытым, письма, уверен, просматривались. Наверняка могли быть неприятности. Демобилизовался в июле 1958 года. Восстановился в Заочном энергетическом институте. Опять поселился в общежитии. Написал в Польшу Михлевич и указал свой адрес «до востребования». Прямая переписка Москва-Израиль была чревата большими неприятностями. Могли уволить, лишит общежития. Оказаться без общежития было бы для меня большой трагедией. В те времена иметь родственников за границей, получать письма из-за границы, встретиться с иностранцем, даже случайно, не сообщая об этом в «органы», считалось большим преступлением, особенно для работающих на закрытых предприятиях (почтовых ящиках).

Решил не торопить события. Затаился. К сожалению, на все свои письма в «Трибуну люду» так ответа ни разу не получил. Потом, только через 40 лет, нашел в Израиле одно свое письмо.

Но самое главное, теперь хоть знаю, что бабушка жива, нашлась тетя с детьми, о существовании которой я ничего не знал. Они тоже знают, что я жив. От этих сведений был чрезвычайно счастлив. Это уже большое событие в моей жизни. Где-то далеко-далеко, за тридевять земель, есть близкие. А время неумолимо течет.

Женился, родился сын, назвали Германом в честь убитого отца. С большим трудом добился 14-ти метровой комнаты в коммуналке. Появилась, наконец-то, своя индивидуальная дверь. Какое-же это счастье, когда в комнате только твоя семья и дверь можно закрыть. Учусь на 4-ом курсе Заочного института. Тяжело учиться заочно, работать и семья требует внимания. Решил перевестись на вечерний факультет МВТУ им. Баумана. Благо, что почти все обучение в филиале вечернего факультета было организовано прямо на заводе.

Оборонке нужны кадры. Перевелся с потерей года. Стало полегче.

В 1965 году заканчиваю МВТУ, перевожусь в свое заводское КБ, на должность ведущего инженера.

После сообщения о близких, живущих в Петах-Тикве, прошло около 8 лет.

Неожиданно, как снег на голову, пришло письмо от некоего Лазаря (Лейзера) Розенгофа из г. Мончегорска Мурманской области.

Он пишет, что мы земляки, он тоже родился в Бучаче. Из Нью-Йорка к нему обратился кузен Абрам Зоммер. У него просьба от моей тети, сестры отца Салли Гехт (по мужу Клингсберг) разыскать меня. Тетя проживает в Лос-Анджелесе. Розенгофу сообщили, что я служил в армии где-то в Подмосковье.

Чувствую: уже есть связь израильских маминых родственников с сестрой отца в Америке. Лазарь Розенгоф пишет, что он обратился в отдел кадров Министерства Обороны СССР и ему любезно, письмом сообщили мой московской адрес. Он тут же, недолго думая (наивный человек!), переслал адрес тете в Лос-Анджелес и об этом подробно сообщает мне.

В октябре 1965 года получаю из Лос-Анджелеса на русском языке очень короткое письмо от тети. Она пишет, что в 1939 году ей удалось бежать из Вены в Шанхай, а в 1947 году перебраться с мужем в США. Теперь муж умер, она очень одинока, больна, детей у нее нет, и она просит, чтобы я ей был как сын.

Сердце переполнилось счастьем: нашелся еще один родной, одинокой пожилой человек. Но как ему помочь? Веду переписку через Мончегорск. Получаю от тети ее фото и очень дорогие мне фотографии молодых родителей. Пересылаю тете фотографии моей семьи. Лазарь пишет: «Тетя Салли не может понять, почему я ей не пишу напрямую?» Объяснил ему – будут большие неприятности на работе. Сейчас такие поступки кажутся ненормальными, но тогда это было правилом. Там, за океаном все это очень сложно было понять старому, больному человеку.

Задыхался от безысходности и обиды. Нашелся пожилой, близкий, родной, больной человек, а тебе приходится оглядываться. Боишься подвести семью. Жена тоже страдает из-за моих переживаний.

Наступил критический момент. Плюнул на все. Пренебрегая всеми предосторожностями, напрямую написал в Лос-Анджелес письмо бедной тете Салли. Ответа не дождался. Письмо вернулось с пометкой «адресат выбыл». Своим детдомовским чутьем (а оно у нас, бывших, очень острое, мы более наблюдательны) чувствую надвигающуюся грозу. К моей персоне стали проявлять повышенный интерес кадровики. По развитию дальнейших событий все подтвердилось. Уверен, что письмо тети мне и мое в Лос-Анджелес были зафиксированы соответствующими органами.

Да и мой мончегорский земляк, уверен, давно уже находится «под колпаком», так как ведет переписку со многими странами мира.

Немного о земляке Лазаре Розенгофе. Перед началом войны жил во Франции, учился в Сорбонне. Ушел добровольцем во французскую армию, попал в плен. Там познакомился с девушкой с Украины. После освобождения приехал к ней и женился. У них родилась дочка Аннет. Остался в СССР. Окончил вечерний факультет иностранных языков пединститута. Из-за сложной биографии смог подходящую работу переводчика найти только на Севере. Жена с дочкой жили в Украине. В

восьмидесятые годы вернулся во Францию и был там, как участник войны, находившийся в плену, встречен с большими почестями.

У меня появились большие проблемы. Начались вызовы на собеседование в заводскую спецслужбу и районный отдел КГБ. Написал горы объяснений. Показал все письма. Сняли копии. Потребовали фотографии. Переписал автобиографию почти с момента рождения. Основным аргументом проработки – вина, что сам не сообщил о нашедшихся родственниках за границей. Мытарили два года. На третий сказали: «Работай спокойно».

Переписка с Мончегорском продолжалась, но письма от тети Салли перестали поступать. В сентябре 1969 года Лазарю сообщил из США его знакомый Лео Гейзер, что в 1968 году тети не стало. Так трагически оборвалась хрупкая связь с близким, больным и одиноким человеком.

В этом же году моя семья переехала в двухкомнатную кооперативную квартиру. Тяжело описать чувства, которые испытывает человек, проживший 24 года в общежитиях, из них только 6 лет в коммуналке. А тут «хоромы» с паркетом, ванной, удобствами... Самое главное – у сына-первоклассника своя комната с письменным столом.

После унижений и проработок чувствовал себя неудобно. Оставалось только ждать каких-нибудь неординарных событий.

Восьмидесятые годы. Наступили небольшие послабления. Некоторые евреи стали паковать чемоданы. В США, в Чикаго уехал мой земляк и друг, бывший узник ГУЛАГа Семен Меншер. Перед отъездом я записал ему очень скудные сведения о родных, живущих в Петах-Тикве, надеясь, что это поможет их разыскать. К великому сожалению, эти сведения и мой адрес, как выяснилось позже, были им утеряны.

На дворе девяностые годы. Массовый отъезд. Уехало много друзей и сослуживцев. Возобновляю поиски. Пишу уехавшим Миле Смелянской и Элле Дубовой в Израиль, которые очень помогали в моих поисках. Они дают публикации в местную газету в раздел «розыск». Находится однофамилец, но выясняется, что у нас разные корни. Ухожу на пенсию по инвалидности. Уже 1996 год. С родными из Петах-Тиквы связи все нет. После окончания войны уже прошло более 50 лет! Стало возможным, почти без оглядки, иметь связь со всем миром.

После долгих лет молчания связь с другом в Чикаго Семеном Меншером все-таки установилась. Меня в Москве, не имея адреса и телефона, каким-то загадочным образом нашла племянница жены Семена Меншера, москвичка Галина Тартаковская.

Повторяю просьбу помочь разыскать родных в Петах-Тикве. В очередном письме из Чикаго Семен прислал израильский адрес и телефон моего земляка Моше Шприцера, который по утверждению Семена, член бучачского землячества. Дозвониться я не смог – телефон неточен. Срочно пишу письмо Моше. В нем описываю сорокалетней давности сведения о родственниках и о себе. Боюсь, письмо затеряется, отправляю его с другом Марком Шварцем, он едет на ПМЖ в Израиль.

Мой земляк Моше Шприцер, бывший зэк ГУЛАГа, одноделец Семена. Их судили вместе за переправку спасшихся еврейских детей в Израиль.

Для подстраховки в письме указал израильские телефоны друзей – Милы Смелянской и Эллы Дубовой.

СЧАСТЛИВЫЕ МГНОВЕНИЯ

Жду. Кажется, время застыло. Но вдруг события начинают развиваться молниеносно. Получив письмо, Моше тут же подключил Вилли (Зеева) Андермана – председателя бучачского землячества. Тот обратился к старым членам землячества. Посоветовали звонить в кибуц Рамат-Йоханан, где живет и трудится не одно поколение семьи Гиршгорн из Бучача.

Там обнаружился троюродный брат Цви Карниэль (он изменил фамилию – раньше был Гиршгорн). Далее письмо было срочно переведено и передано моему кузену Шимону (названному так в честь нашего дедушки) в Рамат-Хашарон. Шимон – один из двух детей тети Бетти, о которых говорилось в письме 1958 года. Они раньше жили в Петах-Тикве.

И... начались ночью звонки в Москву. Объясняться было сложно, говорили мы на разных языках. Слезы радости моей семьи не просыхали до самого утра. Цви и Шимон звонили также моим друзьям-сестрам Миле и Элле – те мне. Для обстоятельного разговора утром Шимон подключил Игоря – «русского» из Житомира. Мы окончательно поняли, что мы двоюродные братья.

Круг замкнулся через 50 с лишним лет.

Хочу заметить, что самым главным фактом, подтверждающим наше родство, было мое польское имя Дзюнк. Я назвал его в письме. Это имя очень часто с тревогой произносилось в их доме. Бабушка Роза и тетя Бетти очень переживали за меня.

К великому сожалению, бабушки и тети уже не было в живых. Свершилось чудо, которого я, бывший детдомовец, ждал почти всю жизнь. Завершилась многолетняя эпопея взаимных ожиданий и надежд. Даже сегодня не верится, что это произошло, после стольких лет одиночества. .. После окончания войны прошло 53 года.

И для меня наступили счастливые мгновения!

Встретили меня уже совсем немолодые двоюродные брат Шимон и сестра Михаль – дети тети Бетти. Мы стояли в толпе аэропорта Бен Гурион с табличками – только так можно было узнать друг друга. Обнялись, стояли и плакали от счастья – дети, в жилах которых течет кровь наших общих предков.

От них я узнал как сложилась дальнейшая судьба бабушки Розы после того, как мы с ней расстались в 1944 г. Ей удалось с помощью родственников из Галиции перебраться в город Штуттгарт в Германии. Работала она там на шляпной фабрике, а в 1947 г. переехала в Израиль к дочери Бетти. В 1948 г. родился мой кузен Шимон, которого она помогала воспитывать. Умерла бабушка в возрасте 83 лет.

С аэродрома Шимон завез меня на кладбище в Петах-Тикву. Я поклонился дорогим бабушке Розе и тете Бетти, попросил у них прощения. На могиле бабушки выбиты имена ее трех уничтоженных дочерей: Пепы, Мали и Ханы. Положил, как это

принято у евреев, по камушку на могильные плиты. Мне самому тогда уже было 68 лет.

Мой приезд совпал с праздником Песах. Был устроен многолюдный седер. Кузен Шимон провез меня через весь Израиль, с заездами в оба «наших» кибуца: Рамат-Йоханан и Эйн А-Мифратц. В эти кибуцы в 30-е годы прошлого столетия в числе первых прибыли из Бучача посланцы семьи Гиршгорн. Тетя Бетти с мужем была в их числе. Они в тяжелейших условиях строили там дороги и осваивали эти нелегко дававшиеся земли. Сейчас это – плодородные зеленые оазисы.

Порой этим людям приходилось с оружием в руках защищать эту землю. Во время одной из стычек геройски погиб двоюродный брат мамы Шмуэль Карниэль (Гиршгорн). Остались два его сына – Цви и Амнон. Цви стал професором Хайфского университета, Амнон – одним из руководителей кибуца.

В кибуце Эйн А-Мифратц проживает мой двоюродный дядя Иосеф Коэн, учитель биологии. Разница в возрасте у нас небольшая – он тоже пенсионер.

Эти кибуцы участвуют в программе по абсорбации репатриантов «Первый дом на родине».

Родственники в своих кибуцах показали мне прекрасные плодородные плантации и сады, ухоженных молочных коров, которых обслуживает электроника, бассейны, где нагуливает вес рыба, школы, библиотеки, музеи, поликлиники и пансионаты для больных и пожилых людей. В одном есть даже свой зоосад.

Во время встреч с родственниками сердце переполнялось счастьем, которого ждал так долго. Чтобы дожить до этих мгновений, надо было набраться терпения, надеяться и не опускать рук. Жаль, что жизнь близких прошла вдалеке от тебя.

В Израиле встретился с членами Бучачского землячества. Благодаря их помощи я стал счастливым человеком.

Уже потом кузен Шимон, троюродный брат Цви и некоторые земляки побывали у меня в Москве.

С кузеном Шимоном и троюродным братом Цви побывали мы в Бучаче. Показал им места, где проживали наши многочисленные родственники. Посетили улицу, где было гетто, и рабочий лагерь – места массовых казней, где в могилах-рвах лежат близкие, и тысячи расстрелянных и растерзанных евреев Бучача и его окрестностей. Были зажжены свечи и прочитана поминальная молитва.

УДОСТОВЕРЕНИЕ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прошли годы и только, к великому сожалению, в преддверии 50-тилетия Победы, в Федеральном законе «О ветеранах», принятом Государственной Думой 16 декабря 1994 года, записано, что к ветеранам Великой Отечественной войны отнесены и «воспитанники воинских частей и юнги». Будто смерть на войне различала подросток ты или взрослый. Как правило, подростки не имели красноармейских книжек и не числились в списках воинского состава. На свои запросы в Центральный архив Министерства обороны они получают стандартные ответы: «Лица допризывного

возраста (подростки) содержались в частях и учреждениях за счет личного состава и в документах, как правило, не были отражены». Я тоже получил такой ответ. (См. Приложение)

У большинства из нас, по истечении полувековой давности, никаких документов (справок, аттестатов, направлений и т.п.) не сохранилось. Фотографии в счет не идут. И доказать, что ты там на войне находился и участвовал очень сложно. Моя справка не сохранилась, но связь со своими сослуживцами поддерживаю со времен войны. Много-много лет состою на учете и активно работаю в Совете ветеранов своей 3-й гвардейской танковой армии.

После выхода закона «О ветеранах» бывший начальник хирургического отделения нашего полевого госпиталя Ольга Сергеевна Сергель настойчиво убеждала меня: «Ведь ты тоже там был и с нами работал, это несправедливо, пора заняться получением официального статуса участника войны».

Спасибо ей –убедила!

На сбор, передачу и рассмотрение по инстанциям собранного пакета документов ушло почти два года. Только 31 мая 1996 года Комиссия Министерства обороны Российской Федерации на своем заседании (протокол №300) решила: «Гехту Виктору Германовичу предоставить льготы для участников Великой Отечественной войны, проходившим службу в составе действующей армии и вручить удостоверение». (См. Приложение).

Таков финал.

Хочу особо отметить помощь и поддержку председателя Межрегионального Союза юных участников Отечественной войны 1941-1945 годов полковника в отставке Александра Ивановича Подобеда, который объяснил какие нужно собрать документы и активно помогал при их движении по чиновничьим инстанциям.

Не могу удержаться, чтобы не перечислить кипу только основных бумаг, которые пришлось собирать, а некоторые приходилось переделывать заново. Пусть это будет своеобразным путеводителем для тех, кто захочет повторить этот непростой путь.

Собранные документы:

Свидетельские подтверждения сослуживцев ГЛР-3424 с выписками из их личных дел и военных билетов, заверенные военкоматами.

Получены от:

– Гончаренко Виктора Викторовича, полковника в отставке, начмеда и ведущего хирурга, г. Воронеж.

– Турецкой (дев. Кац) Полины Семеновны, капитана м/с, врача-ординатора, г. Минск, Беларусь.

– Сергель Ольги Сергеевны, капитана м/с, начальника хирургического отделения, г. Москва.

Справки из Центрального архива Министерства обороны на: Гончаренко В.В., Кац П. С., Сергель О. С., что они служили в ГЛР-3424 во время моего пребывания там. Заказывал справки и получал их в г. Подольске лично я. В Подольск ездил много раз.

Ходатайства от:

- Совета ветеранов 3-й гвардейской танковой армии;
- Межрегионального союза юных участников Отечественной войны 1941-1945 годов;
- Начальника 1 отдела Западного округа ОВК г. Москвы.
- Комитета содействия (общественного) при I отделе Западного округа ОВК г. Москвы.

Потребовалось подтверждение, что после фронта воспитывался в детском доме, а не был сыном начальника госпиталя и там с ним находился.

ПОДЛИННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Я пенсионер. Времени свободного много. Пора начинать убирать глупости, записанные в метрике и в паспорте. Насобираю кучу бумаг – подаю в суд. Только по его решению корректируются документы. В результате – Никулинский районный суд города Москвы обязал изменить актовую запись от 1947 года по Химкинскому ЗАГСу.

Теперь в новой метрике записано: Гехт Виктор Германович, родился 2 февраля 1934 года.

Место рождения – г. Бучач Тернопольской области Украины. В старой метрике было записано «неизвестно».

Отец – Гехт Герман, еврей, мать – Гехт Пепа, еврейка (см. Приложение).

Поменял паспорт. Там тоже записано, что родился в Бучаче. В старом паспорте было записано в графе «Место рождения» – «Воспитанник детского дома». Со своим годом рождения – 1934 за 60 лет я уже сроднился, хоть по документам я «на три года моложе». Затеять новый суд – сил не хватит. (См. Приложение).

Очень сожалею, что в новом российском паспорте отсутствует «пятая графа». Можно было бы черным по белому прочесть, что и ты стал «инвалидом 5-й группы».

Поехал в военкомат, показал новую метрику, и в моем военном билете капитана запаса чиновник в сердцах зачеркнул в графе «национальность» слово «русский», написал сверху «с 11.04.2000 года – еврей» и проштамповал гербовой печатью. Возможно, в насмешку. Но мне это очень по душе. Место рождения – «воспитанник детского дома» в военном билете так и осталось. Пусть эта глупость останется для истории. (См. Приложение).

Человек я настойчивый, а порой и упрямый. Таким сделала жизнь. Посчитал, что все-таки надо докопаться до истины и найти свои настоящие документы. В консульстве Польши дали адрес Центрального архива в Варшаве. Ведь Бучач до 1939 года входил в состав Польши. Рекомендовали запрос сделать по-польски. С помощью русско-польского словаря осилил.

В 2002 году получил из Варшавы свое самое настоящее свидетельство о рождении («акт урождения»). В нем сказано, что обладатель сего, Гехт Изидор родился 31 октября 1931 года в местечке Бучач.

Отец – Самуэль Герш Гехт (значит Германом его звали в обиходе), мать – Пепа Гиршгорн. Стоит номер и дата записи.

Чего хотелось всю жизнь, так это больше узнать о своих родителях. По той же схеме с помощью русско-польского словаря написал еще один запрос. Получил свидетельство о браке, заключенном родителями в Бучаче. Удалось узнать даты и места их рождения, фамилии и имена свидетелей, присутствовавших при заключении брака, и раввина Файвела Виллига, зафиксировавшего их союз 1 марта 1931 года. (См. Приложение).

В Израиле узнал, что у нашего прадеда Абрахама Гиршгорна было одиннадцать детей.

«Ветви и листья» этого мощного родового Корня сейчас прорастают почти на всех континентах мира.

СУДЕБНЫЙ ФАКТ – ПРИЗНАНИЕ УЗНИКОМ ГЕТТО

Прошло почти полвека после окончания войны. Наступило время перестройки. В Советском Союзе, в последствии в Российской Федерации, наконец-то, вспомнили о бывших узниках гетто, концлагерей и «рабах Рейха» – населении, угнанном на принудительные работы в Германию.

Германия признала свою вину, и эти категории выживших были признаны особенно пострадавшими.

Очень обидно, что в других странах они были официально признаны давным-давно и по взаимной договоренности с Германией получили от нее небольшую материальную компенсацию, а некоторые и пожизненную пенсию.

Только в СССР на тему Холокоста был наложен запрет, его как бы не существовало.

Поголовная подозрительность, недоверие и слежка за всеми и каждым делали свое черное дело. Многие люди, даже если и были тогда детьми, не очень-то афишировали, что находились на оккупированной территории, а тем более в гетто или концлагере. Старались в автобиографиях как-то обходить этот прискорбный факт. Анкеты и автобиографии писались в те времена очень часто. Всегда при поступлении на учебу, работу, переходах на другое место работы и т.п. Они регулярно обновлялись. Не дай бог, если ты забыл, что писал в предыдущих и это не сходилось в последующих – могли быть большие неприятности. К твоей персоне проявлялась подозрительность, могли обвинить в преднамеренном искажении биографических фактов, прорабатывали и могли даже уволить. Были случаи, когда в «кадрах» могли задать, даже малолетнему узнику, изуверский вопрос: «Как ты мог остаться жив?» или «Почему не убили?». Обидно, хотя и не секрет, что Красная Армия бросила мирных жителей на растерзание фашистам и местным палачам. Как будто мирные граждане по доброй воле оказались на огромной оккупированной территории.

Среди задающих эти, как «удар хлыста», вопросы могли быть и те, кто в первые месяцы войны драпал на восток. Я сам свидетель этого позора армии. Или те, кто

отсиделся в тылу и имел о зверствах на оккупированных территориях очень смутное представление.

Сколько людей из-за этого не смогли поступить в приличные вузы или на приличную работу. Сколько судеб было сломано – статистики нет.

Наступили другие времена и надо было собрать документы, подтверждающие два биографических факта: это, что в Бучаче было гетто, и что я в нем находился. Казалось, очень просто, но на практике все было наоборот.

Нужно было предоставить официальные справки из госархивов или органов госбезопасности.

Пришлось обращаться во многие архивы и организации: Украины, Израиля, Польши и России. Получил много интересного материала. В некоторые архивы России удалось даже заглянуть. К великому сожалению, списков узников гетто г. Бучача нигде обнаружить не удалось. Пришлось использовать косвенные доказательства и документы. Это выписки из когда-то написанных автобиографий, нотариально заверенные свидетельские подтверждения тех, с кем ты был в гетто, данные из допросов подсудимых (палачей) и т.п. Любой официальный документ, полученный и заверенный какой-либо организацией или архивом имел вес. Собрал я много очень убедительных, но косвенных документов и доказательств. Этот пакет документов явился основанием для обращения в районный суд.

И только судом был официально подтвержден факт моего пребывания в гетто г. Бучача. Решение Никулинского районного суда г.Москвы от 14 января 2002 года. (см. Приложение).

ГЛУМЛЕНИЕ НАД РАСТЕРЗАННЫМИ.

Все-таки тянет в родные края. Хочется пройтись по дорожкам детства. Ведь там прошли очень – очень короткие, но самые счастливые довоенные годы. К сожалению, их было совсем мало. Из моих 8-ми довоенных лет, отсчет веду до 1939 года, только 3-4 последних были осознанно по-детски беззаботными.

Потом начались: раздел Польши, фашистская оккупация, гетто, рабочий лагерь, расстрелы, фронт, где я был сыном полка, детдом, общежития...

После войны выжившими в Бучачском районе евреями было установлено 3 памятника погибшим. Во всех местах массовых расстрелов и захоронений.

К великому стыду, над всеми тремя памятниками неоднократно глумились украинские националисты. Глумились, чтобы не осталось и следа о совершенных по доброй воле местными галицийскими палачами преступлениях.

На горе Федор – два памятника. Один – в память о первых расстрелах евреев-интеллигентов. На нем указано «Тут спочивают 430 людей убитых немецкими катями дня 27.07.1941 р.», есть звезда Давида. Памятник неоднократно сбрасывался с постамента. На втором была звезда Давида и выбито число 3635 уничтоженных и похороненных евреев. Памятник сброшен с постамента и найти его не удастся до сих пор. 3-й был поставлен за еврейским кладбищем. На нем звезда Давида, выбито число 4935 погребенных.

Будучи в Бучаче всегда приходил на запущенное еврейское кладбище, к установленному там памятнику.

В тиши старого кладбища с покосившимися надгробиями можно было мысленно пообщаться с близкими и успокоиться.

Ведь все погибшие родственники остались в моем сердце такими же молодыми, какими их застала мученическая смерть.

В одну из поездок обнаружил, что памятник с кладбища исчез. Кто-то, думаю одному человеку это было не под силу, в дикой злобе антисемитского угара, сбросил это, поставленное на костях тысяч расстрелянных, порой и зарытых живыми евреями, памятное надгробие в глубокий овраг (кладбище на высоком месте).

Памятник затащило землей и найти его не удавалось много лет.

Нашли памятник только после личных встреч и просьб председателя Бучачского землячества в Израиле, к голове (председателю) городского Совета.

По его указанию памятник нашли и откопали и только в июне 2006 года на собранные средства был он в торжественной обстановке возвращен на еврейское кладбище.

При этом присутствовали родственники расстрелянных, выжившие узники гетто и их родные из Израиля, США, Канады... Были зажжены свечи, раввин прочел поминальную молитву.

Душа все равно болит, долго ли он простоит. Бацилла национализма и антисемитизма все еще витает в воздухе, несмотря на то, что в Бучаче и районе уже нет евреев.

Находиться там, на «родине» тяжело. Ведь не знаешь даже в каком месте, в земле лежат родители и родственники.

На месте нашего, сгоревшего во время боев дома, стоит другой. Живут в нем совсем незнакомые люди. На удивление – ни разу не было желания переступить порог этого, уже чужого дома, построенного на земле, купленной родителями.

В один из моих приездов из калитки соседнего дома, где жила семья старшей сестры отца (им принадлежала только половина этого кирпичного дома, вторая – польской семье), вышел пожилой мужчина.

Я ему сказал, что здесь жили мои родственники, он кивнул головой и как-то очень спокойно и обыденно ответил: «да жідівська половина». Таким тоном, как будто этот дом был построен теми, кто там сейчас живет и принадлежал им всю жизнь.

Не только этот дом, но и вся собственность уничтоженных евреев осталась в Бучаче, и всей Украине. А ведь на Украине было уничтожено около 2-х миллионов евреев.

УЛОЧКА АГНОНА

В одну из поездок в Бучач обнаружил, что в центре городка одна из малюсеньких улочек, всего в полтора-два дома названа «Вулиця Агнона». Бучач стал гордиться своим знаменитым еврейским земляком – первым израильским лауреатом (1966 г.)

Нобелевской премии по литературе. Он здесь родился и учился в гимназии еще во времена, когда Бучач входил в состав Австро-Венгрии. Эмигрировал Агнон в Палестину в 1907 году.

В историко-краеведческом музее на стендах выставлены его многочисленные книги и даже израильские денежные купюры (шекели), на которых он изображен в кипе.

В школе, бывшей гимназией, когда там учился Агнон, на плакате «Наши знаменитости» есть и его фамилия. (См. Приложение).

Хотелось поверить, что наступило запоздалое прозрение у украинцев, (поляков в Бучаче уже нет давно), а не меркантильное лукавство. Ведь туда иногда приезжают родственники Агнона, бывают его земляки со всего мира и поклонники иностранцы.

В одну из моих очередных поездок в Бучач, туда приехали и земляки из Израиля, США, Канады, некоторые с детьми и внуками. Когда мы, полные скорби направились к горе Федор, к месту массовых расстрелов и захоронений, то из одного дома этой, теперь уже «знаменитой» улочки Агнона, вышло несколько пожилых женщин (наверное из домового комитета).

Они слезно просили нас помочь им средствами на ремонт, хотя бы одного подъезда их дома. Не очень-то процветает Самостийная Украина.

Слушая их, мне представилась совсем другая картина: как мимо этого дома гнали на мученическую смерть тысячи их земляков-евреев. Были среди них и целые семьи с детьми. Гнали их туда и очень усердствовали галицийские украинские полицейские. Потом, после казни делили вещи убитых. Возможно, среди этих палачей были и родственники этих просителей. Хотелось задать им этот вопрос, но он «повис» в воздухе. Зачем? Для них сейчас самое главное ремонт подъезда, а казни были давным-давно, все осталось позади, зачем ворошить прошлое, пора забыть... Но мы не можем этого забыть, едем туда, нас туда тянет, там казнена и погребена часть нашей жизни...

Во времена Агнона и позже в Бучаче бурно кипела многотысячная еврейская общинная и культурная жизнь.

С июня 1941 года еврейская жизнь местечка и всей Галиции умерла и уже никогда, наверное, не возродится. Евреи в Бучаче давно уже не живут – проживание им там противопоказано. Этому есть веские причины. Ведь совсем недавно тысячи ни в чем неповинных еврейских семей, от грудных детей до дряхлых стариков, были подло преданы и в основном уничтожены своими галицийскими земляками.

Уверен, что если бы наш знаменитый земляк Шмуэль Агнон был там во времена Холокоста, его бы тоже не пощадили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце хочу сказать, что на моем пути, во время моего военного и послевоенного детства, встречалось намного больше хороших, чем плохих людей.

Конечно, палачи и их приспешники это особая категория. Их и людьми язык не поворачивается назвать.

Хочу всех уверить, что на войне детей не бывает. Те, кто прошел войну, расстаются с детством и больше в него не возвращаются.

Мы, дети войны, трагически перешагнули через свое детство.

После пережитого я не озлобился и радуюсь каждому мирному утру и прожитому дню. Какое это все-таки счастье, просто жить.

Хочется также отметить, что только сейчас, по истечении многих лет, постепенно вновь начинаешь прозревать в себе еврея. Ведь много лет я рос и жил в исключительно русской среде.

Я счастлив, что выжил и удалось дожить до тех дней, когда стало возможным вслух рассказывать о самом сокровенном и потаенном, пережитом семьей, земляками и мной во времена Холокоста – величайшей трагедии и предательства в истории человечества.

Сейчас многое стало доступным, появилась возможность заглянуть в архивы. Мы даже не могли себе представить, что такое время наступит. Ведь темы Холокоста в СССР не существовало.

Надо бы избавиться от воспоминаний и забыть все, но память не обойдешь стороной, не обманешь. Это неизбежно.

К великому сожалению, близкие не дожили до Светлого Дня Победы и боль потерь осталась на всю жизнь.

Потихоньку проходит, не объяснимое, чувство вины перед погибшими, но страх, что подобное может повториться, наверно, не пройдет никогда.

Надеюсь, что трагедия, подобная Холокосту, ни с одним народом никогда не повторится, если человечество осознает свою ответственность за каждого из нас.

Хочу поблагодарить всех помогающих и участвующих в поиске родственников – чутких и неравнодушных людей в СССР, России, США, Польше и Израиле. Все они упомянуты в тексте. Всем, кто, как и я ищет свои корни, хочу сказать: «Сейчас появилось много возможностей. Ищите».

Архивные документы

«Бучач – 1941-1944 гг.»

1. Материалы судебного процесса над нацистскими преступниками Альбертом Бретшнайдером и Рихардом Палом, г. Мангейм, Германия, 1970 г.

Прокуратура земельного суда в г. Мангейме

Мангейм 3 сентября 1970

Земельный суд

Палата по уголовным делам

На основании имеющихся документов и материалов предварительного расследования выдвигается обвинение в отношении:

– Альберта Бретшнайдера (родился 24.5.1910 в Квиетискай, округ Мариамполь, Литва, гражданин ФРГ, механик, женат, проживает в городе Мангейм-Нойостхайм, Дюрерштрассе, 113), который в период с 11.05.1965 – 27.02.1970 на основании распоряжения суда Мангейма от 27.04. 1965 г. находился в предварительном заключении.

Решением суда защитником назначен адвокат доктор Гельмут В. Шмидт.

– Рихарда Пала (родился 25.06.1912 в Германштадт, Румыния, гражданин ФРГ, складской рабочий, холост, проживает в городе Штутгарт-Фоербх, Теннерэкерштрассе, 8), который в период с 11.05.1965 – 27.02.1970 на основании распоряжения суда Мангейма от 27.04. 1965 г. находился в предварительном заключении.

Интересы Р. Пала защищает приглашенный адвокат доктор Карл Кайм.

Из обвинительного заключения Рихарда Пала:

<...27 сентября 1942 года, в первую половину дня, вместе с Куртом Кёльнером, Артуром Розено и другими неизвестными сотрудниками полиции безопасности застрелили 26 евреев, пытавшихся скрыться во время «акции по переселению»¹. Через день после этой акции поспорили, что делать с оставшимися 26-ю евреями. Кёльнер или Розенов сказали, что их следует убить...>.

Из обвинительного заключения Альберта Бретшнайдера:

¹ Термин как правило употреблялся для обозначения акций по уничтожению евреев.

<...В Бучаче в неизвестный день первой половины декабря 1942 года недалеко от еврейского кладбища убил из пистолета С. Фрид (Susia Fried), которая убегала от него и не остановилась, когда он крикнул: «Стой!»

<...> В Бучаче 2-го февраля 1943 года, в понедельник, вместе с другими сотрудниками полиции безопасности из Чёрткова, с сотрудниками жандармского поста из Бучача и украинской вспомогательной полиции принял участие в расстреле 300 евреев (имена не установлены). Они собрали всех евреев, находившихся в гетто (в домах и тайниках), отвели на сборный пункт, а позднее на место экзекуции у обрыва Фёдор-горы неподалеку от Бучача. Расстрелы производились группами по 10 человек (мужчин, женщин и детей), которых отводили к краю общей могилы и убивали выстрелом из пистолета. Всех жертв экзекуции заставляли полностью раздеться...>

<...В связи с морозами и невозможностью рыть могилу в промерзшей земле было принято решение проводить новые расстрелы позже. Новые акции проводили только в апреле 1943 года, тогда было расстреляно очень много людей. 13 апреля 1943 года была проведена новая акция в Бучаче, в ходе которой от 500 до 800 человек было расстреляно на Фёдор-горе. 15 апреля в лесу у деревни Копычинце расстреляли около 600 евреев. Около 19 или 20 апреля на еврейском кладбище в Борщове убили ещё примерно 300 евреев. В местечке Тлуста первую большую акцию проводили также на еврейском кладбище 26 мая 1943 года. По разным оценкам число жертв предположительно составило 2500-3000 человек. <...> На следующий день 27 мая 1943 г. была проведена акция по ликвидации гетто в Бучаче, и все евреи, которые ещё находились там, были расстреляны на еврейском кладбище.

В то время в Бучаче находился рабочий лагерь, заключенные которого не были расстреляны. Они были переведены в июне 1943 г. в другой лагерь в местечко Тлусте. В начале июня состоялась акция по ликвидации евреев местечка Тлусте на еврейском кладбище, а через несколько дней в лесу, недалеко от Копычинце, между 5 и 12 июня провели акцию по ликвидации на еврейском кладбище в Борщове...>

<...Юденреферент² Кёльнер приехал на машине и потребовал от Пала доложить о ходе акции. Из доклада следовало, что больше 600 евреев было арестовано, а 26 евреев, которые пытались бежать, переведены в отдельное помещение. Кёльнер просто сказал: «Решите вопрос». Он, Пал, и другие сотрудники полиции безопасности <...> выстроили этих евреев и расстреляли их всех. По описанию свидетеля Швацбак в акции принял также участие «Розенхоф», при этом речь идет об уже упоминавшемся обершарфюрере Артуре Розенове, который предположительно руководил всей акцией и лично принимал участие в расстреле...

Город Бучач находится в 30 км к западу от города Чёрткова, на берегу реки Стрыпа. До войны там проживали тысячи евреев, которых переместили в гетто. В Бучаче переводились «акции переселения» в октябре и ноябре 1942 года. В первой половине декабря 1942 года состоялась «акция на улицах» (так называли её многие еврейские свидетели). В ходе такой операции арестовывались только те евреи, которых задерживали на улицах, дома не обыскивали. Хватали всех без разбора и отправляли работать в трудовые лагеря. До июня 1943 года был смысл использовать евреев на работе и не расстреливать. Поэтому не было «акции» (в терминологии специальной полиции). Арестованные во время «акций на улицах» в декабре 1942 г. помещались в тюрьму в Чертково, но были освобождены позже. Многие были больны тифом. Некоторые еврейские свидетели считают, что это было намеренно. Свидетельницы Зальцман, Тышлер и доктор Цуллер узнали об «акции» заранее и убежали к знакомому поляку Шатковскому в деревню Дзвиноград. На следующий день после акции они вместе с поляком и его братом возвращались в Бучач. Между 9:00 и 10:00 они проходили мимо еврейского кладбища Бучача, когда услышали приказ: «Стоять!».

2. Свидетельские показания Брониславы Палек.

² Сотрудник полиции безопасности, отвечающий за акции по уничтожению евреев.

Палек Бронислава, родилась 7 мая 1909 г. во Львове, магистр фармацевтики.

Львов, Бучач, Укрытие.

Евреям продавали хлеб в отдельных магазинах. Поэтому ежедневно в Замарстынове (район Львова) проходили так называемые «похищения». К этим магазинам подъезжали машины из гестапо и забирали целыми очереди, ожидающие своего пайка хлеба. Это было в ноябре 1941 года.

Я работала в аптеке на улице Лычаковской, 155. В июле 1941 года я видела автомашины загруженные людьми, комсомольцами и евреями, едущие в направлении <...> где были известные дурной славой «Пяски»³, место уничтожения евреев. Крестьяне, приходившие в аптеку, рассказывали, что постоянно слышат выстрелы, которые доносятся с той стороны, и что там появляются всё новые и новые массовые захоронения.

В августе 1941 г. всех психически больных евреев отправили из Карпакова в Юденрат. Несчастных поместили в синагогу на улице Венгляна

В ноябре 1941 г. во Львове была кампания по уничтожению престарелых и калек. В ходе неё шутцполицаи и украинские полицейские врываются в жилища евреев и расстреливали больных, лежащих в постелях.

Бучач от декабря 1941 до мая 1943.

В августе 1941 г. было приказано, чтобы все мужчины явились на площадь. И оттуда 350 человек, главным образом интеллигентов, осыпая ругательствами и избивая кнутами, загнали в тюрьму, а потом расстреляли в близлежащем лесу. Эту кампанию организовал комендант украинской полиции Казновский.

³ Песчаный карьер на окраине города Львова.

В октябре 1942 г. – первая кампания. Я притаилась в поле, как и несколькими днями раньше, поскольку мы знали, что в Бучаче нам грозит истребление. В других местечках и деревнях такие кампании уже проводились.

Мы все прятались. Немцы устраивали облавы, а местное население помогало им находить наши убежища. Таким образом погрузили в вагоны и отправили в Белжец 1.500 человек. А Белжец – это газовые камеры и крематорий. Моя кузина, которую поймали в августовскую кампанию в Чёрткове, и которой удалось выскочить из окна за 20 км до Белжеца, рассказывала мне об этой поездке. Перед погрузкой их раздели до белья, в одном вагоне – 100-200 человек, сдавленные, можно было только стоять. Жара. Духота. Люди умирали. Чудовищное зрелище – трупы продолжали стоять.

В вагонах мужчины были отделены от женщин и детей. И только перед Белжецом удалось оторвать решетку на окне и две молодые девушки выскочили. Кузина была вся в ушибах, она лежала в лесу, куда с трудом доползла. Какая-то крестьянка принесла ей старое платье (ведь кузина была в одном белье). Местные жители уже привыкли к «прыгунам». Она добралась до Равы-Русской <...>

3. Свидетельские показания Самуэля Розенталя.

Гражданин Розенталь Самуэль, сын Мойжеша, при вступлении польской армии в Волынское воеводство принимал активное участие в ликвидации немецких групп в волынских лесах, являясь партизаном русских отрядов Ковпака.

Начальник штаба воинской части подполковник Грождольски.

Мученичество и уничтожение бучачских евреев.

«Новый порядок»

Немецкие власти сразу же прекратили бесчинства украинских «героев» и с истинно немецким педантизмом принялись за реализацию своего смертоносного плана. Кагал был преобразован в Юденрат, была создана «служба порядка» во главе с Максом Андерманом и бюро по распределению рабочей силы, который возглавлял Натан Готфрид. Вначале действительно казалось, что «можно будет выдержать», потому что насилие почти прекратилось. Евреи были лишены всех прав, они не могли зарабатывать, но им позволяли по крайней мере существовать. Ад начался незадолго до нового 1941 года.

Местный комендант Петц поручил Юденрату провести регистрацию всех евреев в возрасте от 14 до 50 лет. Когда в назначенный день на регистрацию пришли около 1.500 человек, внезапно появилось гестапо, окружило собравшихся и начали распределять: ремесленников и вообще рабочих после жестокого избиения освободили, а свыше 400 интеллигентов и торговцев отвели в тюрьму, откуда на другой день их погнали к яру «на Фёдоре» и там расстреляли. Это было только начало.

Спустя несколько дней был издан приказ, что Юденрат должен ежедневно доставлять 200 молодых работников и 100 более старшего возраста. Через некоторое время немцы из старших выбрали 55 человек и расстреляли их под туннелем.

Потом началась «меховая кампания», а вслед за ней контрибуция золотом.

В начале зимы в результате предложенного Юденрату «требования», еврейская милиция устроила облаву и отослала в трудовой лагерь в Больших Борках (Борки Великие) 500 человек, естественно, самых бедных, которые не могли откупиться.

Перед Пасхальными праздниками 1942 года забрали 150 ремесленников, погрузили их в вагоны и вывезли, после этого никаких сведений о них не поступало. Под ударом этих несчастий на еврейской улице наступило парализовавшее волю отчаяние. Они были окружены кровожадными извергами, беззащитны, бесправны, каждый мог над ними измываться, убивать. Им запрещали ходить по тротуару, каждому встречному они должны были кланяться. Выходить на улицу для покупок, а также для обмена –

можно было только в течение 2-х часов ежедневно и только утром. Они чувствовали, что смерть ходит рядом с ними и готова прийти в их дом.

Годовщина

И с тех пор эта смерть через короткие промежутки приходила. Жестокая, унижительная, люди гибли тысячами. С неммым ужасом, не понимая, откуда могла взяться такая мерзость, такая жестокость, которой нет примера не только в истории человечества, но и в животном мире.

Очень маленькая горстка уцелевших часто не может установить годовщину смерти своих близких: 17 октября, 27 ноября, 2 февраля, 15 апреля или 26 июня. В эти дни в Бучаче проводились «акции».

17 октября 1942 г. Гестапо при значительном участии еврейской милиции, вооружённой топорами, внезапно напали на еврейские дома, выволокли более 1500 человек, которых собрали на площади, а затем погрузили в вагоны и отправили в Белжец. После этой «акции» в домах осталось 400 трупов, затем вывезенных на еврейское кладбище и похороненных в братской могиле. Во дворе Якоба Маргулиса лежало 85 грудных детей с разможенными головками. Этим детей гитлеровские изверги вырвали у еврейских матерей, разбили им головки и бросили.

4. Свидетельские показания Шмуэля Розена, уроженца г. Бучач.

Грабежи еврейского имущества украинцами.

Расстрелы группы еврейских интеллигентов на Фёдор-горе.

За два дня до вступления немцев в Бучач в городе установилось безвластие. Это было в первые дни июля 1941 года – русские отступили и не было ещё никакой власти. Тогда украинские националисты воспользовались ситуацией и начали грабить.

Естественно, на ком они сосредоточились? На евреях. Мы сидели в закрытых домах, но эти бандиты вламывались к нам в квартиры и магазины и утаскивали всё, что попадало им в лапы. Комендант украинской милиции Казновский грабил вместе с другими.

5 июля немцы вошли в Бучач. Я помню, это был субботний день, когда по главной улице Бучача ехал патруль вермахта. Через несколько дней немцы обратились к раввину Виллигу с требованием организовать Юденрат. Раввин выбрал Менделя Рейха, торговца и порекомендовал ему организовать юденрат.

В конце июля появилось распоряжение, что все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет должны прийти в Юденрат. Из тех, кто туда пришёл, немцы выбрали всю интеллигенцию города и увели на Фёдор-гору, будто бы для копки рвов. Среди других забрали доктора Фукса, доктора Смерха, Ниманда, Менделя Вера, Израиля Ландмана с сыном.

На Фёдор-горе все они были убиты.

Люди в Бучаче слышали расстрелы после того, как туда отвели эту группу. На другой день жители пошли за город и увидели ещё свежую общую могилу на горе.

Гетто в Бучаче

После расстрела группы интеллигентов в гетто пришёл страх. Евреи должны были ходить на принудительные работы в подземном туннеле, на ремонт телефонных линий и ремонт моста. Молодёжь забирали в лагерь Великие Борки. При этом происходили разные подлости: за деньги некоторые члены юденрата освобождали богатых, а на их место посылали в лагерь бедных парней, преимущественно беженцев из других местностей.

Я работал в Юденрате в качестве посыльного и уборщика, имел возможность наблюдать, что там происходит. Мендель Рейх отказался потому, что не мог перенести всего этого.

После него председателем Юденрата стал Барух Крамер, родом из Черткова. До войны он был хасид с бородой и пейсами, а при немцах побрился и стал их слугой. Это был настоящий бандит, во время акций он ходил с топором в руках. Он открывал схроны и взламывал двери. За всё это он получил такую «награду», что когда немцы пришли в Бучач второй раз, они его убили. Но при жизни он многим людям очень навредил. Он «забавлялся» вместе с немцами и принуждал к участию в этих оргиях молодых евреек.

Заместителем Крамера был доктор Сейфер из Бучача. Это был бандит «номер два», он торговал людьми. Сейфер выбирал богатых, которые ему платили и вместо них посылал в лагеря бедных евреев. Сейчас он живёт в Южной Америке.

Секретарём Юденрата был магистр Энгельберг, руководителем финансового отдела был профессор Хенинг, службы социального обеспечения был доктор Гехт.

Распределение продуктов было очень ограниченным. К этому прибавилась ещё эпидемия тифа. В конце ноября 1942 г. было поймано 20 евреев мужчин и женщин и отправлено в Чертковскую тюрьму. Там их держали несколько недель почти голых. Потом они получили свою одежду и их отправили домой.

Эти люди вернулись в очень завшивленной одежде и они говорили, что в тюрьме умышленно завшивили их одежду, чтобы они распространили болезнь, и действительно так произошло – начал свирепствовать тиф.

Люди ожидали какого-то спасения извне. Вместе с товарищем Вайсингером мы подпольно слушали радио в подвале, а потом передавали другим вести с фронта.

5. Свидетельские показания Исаака Шварца, уроженца г. Бучач, 1929 г.р.

Сразу после вступления немцев, украинцы вместе с немцами ловили евреев на улицах, били их, отрезали бороды, издевались и жгли синагоги и тому подобное.

Через четыре недели вышел приказ, чтобы все мужчины от 18 до 50 лет зарегистрировались. Зарегистрировалось 1200 мужчин. После чего всех отпустили

домой. Через месяц снова было приказано регистрироваться мужчинам. Зарегистрировалось 900 мужчин. 200 специалистов отпустили домой. 700 вывезли загород и расстреляли. Говорили, что украинский начальник полиции и прокурор подтвердили, что эти евреи были коммунистами.

Вокруг Тернополя были трудовые лагеря: Борки, Каменка, Клубочек. Мужчин отправляли в лагеря.

В Бучаче остались почти одни женщины и дети.

Более зажиточные через Юденрат могли откупиться от работ в лагере. Юденрат на их место посылал бедных. В течение 1941-42 гг. еврейская администрация платила большую контрибуцию: 50 000 злотых и 30 000 злотых.

Евреи не зарабатывали на пропитание, поэтому вынуждены были продавать вещи. Христиане использовали положение евреев. За хорошее пальто они давали 10 кг картофеля. За торговлю грозила смерть. Зимой 1941 г. была операция по золоту и меху. Одна девушка за то, что после этой операции носила меховой воротничок, была убита на улице украинским полицейским. Евреи имели право находиться в городе с 10 часов до 15, нельзя было ходить по тротуарам, нельзя было входить в христианские дома. Евреи носили на плече белую повязку со Щитом Давида. Украинская полиция вела себя гораздо хуже немецкой. Они грабили, били, издевались, брали взятки, следили, чтобы евреи исполняли все предписания. Весной 1942 года был великий голод среди евреев. Вещи и деньги потеряли свою ценность. Хороший костюм стоил 100 злотых, а чёрный хлеб в это время стоил 60 злотых, 1 кг картофельных очисток (шелухи) стоил 3 злотых. Евреи пекли лепёшки из картофельной шелухи со щавелем. Они питались свекольной ботвой. И только после сбора урожая ситуация несколько улучшилась. В июле 1942 г. на всей территории Тернопольского воеводства были развешаны плакаты следующего содержания: евреи должны быть выселены из городов. Если после выселения еврей появится в городе, он будет убит. Всё имущество выселенных принадлежало немцам.

Поляки, занимающиеся грабежом во время выселения, будут убиты. Первая операция по выселению, о которой мы слышали, происходила в Станиславе. Рассказывали, что

евреям приказали собраться на площади и взять с собой самые ценные вещи. Собранных евреев загнали на еврейское кладбище. Детей и больных повезли на кладбище на машинах. Когда перебили 12000 евреев (а было собравшихся 16 тысяч) подъехал на лошади какой-то немец и операция прекратилась. Рассказывали, что 4000 евреев, которых не успели уничтожить, от радости целовались, кричали «ура» и хлопали в ладоши. После Станиславского «выселения» все уже знали, что это значит. Евреи между собой называли это выселение «выселением с этого света на тот». По всему Станиславскому воеводству проводились кампании по выселению. В августе 1942 г. прошла кампания по выселению в Бучаче. В 3 часа утра город был окружён немцами в большом количестве и украинскими полицейскими. Евреев сгоняли на площадь. Многих евреев, оказывающих пассивное сопротивление, убивали на месте. К вечеру схватили 1650 евреев, 200 евреев расстреляли на улицах и в домах. Этой операцией руководил шеф гестапо из Станислава Крюгер. Те, кто убежал с площади, рассказывали, что Крюгер ходил среди евреев и, смеясь, спрашивал: «Евреи, евреи, где ваше спасение?». Евреи постоянно говорили о спасении. После таких кампаний они не верили, что действительно всех убили и постоянно надеялись, что всё будет хорошо. Поляки смеялись над этими глупыми надеждами евреев. В местной газете поляки напечатали статью под названием – «Евреи говорят – «спасение».

Собранных на площади евреев погрузили в вагоны и отправили в Белжец. Люди выскакивали из вагонов, а два еврея, которых немцы оставили для сортировки одежды, сбежали оттуда. Они были свидетелями того, что делали немцы с привезёнными евреями. Они рассказывали, что евреям приказали раздеться догола, заводили их якобы в баню, а в действительности умерщвляли всех в газовых камерах. Говорили также, что в Белжеце из людей делали мыло. Не все евреи верили в правдивость свидетельств очевидцев. Во время этих кампаний гражданское христианское население грабило еврейское имущество. Цыгане тоже принимали участие в этих действиях. Во время этой кампании наша семья сидела в бункере. В леднике был выкопан погреб (подземелье), в котором могло поместиться 30 человек, это подземелье было глубиной в 7 метров.

И в это самое время происходили эти операции по всему Бучачскому уезду. Остальных евреев со всего уезда согнали в Бучач. В Бучаче собралось 12 тысяч евреев. В это время в Бучач привезли евреев из местечка Тлумач (Станиславское воеводство). Среди молодёжи Тлумача была так называемая «банда». Это группа молодых парней, которые имели оружие. Благодаря своей смелости и удальству банда стала грозой Юденрата, они часто забирали деньги у богатых евреев. Общее мнение бучачских евреев о «банде» было такое: они не боятся ни немцев, ни украинцев. Они часто одевались в немецкие мундиры или мундиры полицаев и с оружием в руках вели по городу нескольких евреев, изображая представителей власти, и, как немцы, били евреев, при этом крича: «Проклятые евреи!». За городом с препровождёнными евреями они убегали в лес. Позднее один мальчик рассказывал мне, что когда он работал летом в усадьбе, туда пришли советские партизаны за хлебом и свиньями. И как ему казалось, среди партизан он узнал командира «банды» из Тлумача.

После первой кампании по выселению евреям запретили жить по левой стороне главной улицы города. Условия жизни были очень плохие. После этой кампании осталось много вдов и сирот. Наступила нужда, началась эпидемия тифа. Ежедневно умирали 15-20 евреев. Городские власти начали строго следить, чтобы христиане не вступали в контакт с евреями, поэтому материальное положение евреев ещё больше ухудшилось. Вся наша семья тоже болела. В декабре 1942 г. во время уличной облавы схватили мою мать, которая шла в аптеку за лекарствами. В городе схватили тогда 600 евреев, которых отвезли в Чёртков. По дороге над ними страшно издевались. Жители подходили, били их и плевали в лицо. В Чёрткове пленники сидели две недели без еды и воды, многие евреи умерли от голода и жажды. Счастливы были те, кто через открытое тюремное окошко могли достать немного снега. 4 января 1943 г. забрали среди них 20 мужчин и послали копать ямы на горе, где расстреливали евреев. Из-за снежной метели машина не могла взобраться на гору, и тогда евреев выпустили. Моя мать тоже вернулась. По причине того, что схваченных евреев вернули домой, евреи радовались и надеялись, что евреев больше не будут убивать, что это Америка пригрозила немцам, что за каждого расстрелянного еврея погибнут 3 немца в

Америке. В январе 1943 г. украинские врачи Бинах и Гамерский забили тревогу у немецких властей, что в еврейском квартале очень тесно, что эпидемия тифа распространяется и представляет угрозу для христианского населения, что нужно раз и навсегда положить этому конец. Юденрат давал подарки и взятки окружному комиссару, чтобы он приостановил массовые облавы на евреев. В феврале 1943 г. в городе опять была кампания, подобная первой и проводилась тем же Крюгером. В Белжец вывезли 1600 человек. Больных расстреливали на месте. В марте 1943 г. совершенно неожиданно прошла третья кампания. Почти трое суток длилась облава на евреев. В Бучаче были хорошо оборудованные бункеры. Ни немцы, ни полиция не могли их найти. Инженеры с собаками искали убежища. Пойманных евреев всё ещё было мало. Тогда немцы обещали некоторым евреям сохранить жизнь, если они выдадут бункеры с евреями. Еврей Ландес, которому обещали сохранить жизнь, выдал 200 человек. Позднее немец приказал евреям из убежища расправиться с собратом, который их выдал. Люди убили Ландеса. Таких случаев было много. Среди собранных на площади выбрали 80 евреев и приказали им копать рвы. Этим тоже убили первыми. Три женщины и один мужчина на площади возмущались, грозили немцам, что еврейская кровь будет отомщена, что евреев им не удастся уничтожить, что немцы трусы, потому что борются с беззащитными невинными людьми, а войну они всё равно проиграют и т.п. Их расстреляли первыми. Во время всей кампании уничтожили 2800 евреев. Недалеко от рва с погребённым евреями протекал ручеёк, вода которого была загрязнена. Евреи, уцелевшие после третьей кампании, должны были раскапывать рвы и переносить убитых в другое место. После третьей кампании в самом Бучаче организовали лагерь для высококвалифицированных специалистов с их семьями. Туда попадали за деньги и неспециалисты.

ВСТАВИТЬ

Текст из Энциклопедии Холокоста.

ПОДРОСТКИ НА ВОЙНЕ

В течении многих лет я вынашивал мысль об увековечении памяти о еврейских детях, участниках борьбы с фашизмом.

Ведь человек умирает не тогда, когда перестает биться его сердце, а когда о нем забывают.

Хочется, чтобы героизм этих детей-подростков был не только легендой, но и достойным примером для подражания и восхищения.

Дети становились не только жертвами, они становились и воинами. Стояли они в одном строю, плечом к плечу со взрослыми. Осилили и вынесли то, что, казалось бы, и взрослому преодолеть не всегда под силу. А когда требовала боевая обстановка на детский возраст скидок не было.

Они действовали, как настоящие герои.

История Великой Отечественной войны знает много случаев, когда в воинских частях всех родов войск и в партизанских отрядах находились подростки, мальчишки и девчонки. Сыны и дочери полков – юные партизаны, подпольщики, разведчики, юнги, санитары, связные, посыльные...

Среди них было много уцелевших от нацистских расправ еврейских детей, которые прошли через гетто, вырвались из эшелонов смерти, выбрались из расстрельных рвов. После побегов многие, как затравленные зверьки, скрывались в лесах, бродили по глухим дорогам и селам, просили кусок хлеба. К приходу освободителей – Красной Армии, их – истощенных, ослабевших, голодных, разутых и раздетых, обмороженных, вшивых и больных, чьи-то добрые руки накормили, отогрели, пожалели, одели в солдатскую форму и дали приют.

Счастливики попадали к партизанам еще во время оккупации.

Многие просто убегали из дому, чтобы мстить за смерть погибших отцов, братьев, сестер, за отнятое детство.

Судьба каждого юного борца с фашизмом уникальна по-своему. Их боевые биографии должны войти в летопись еврейского героизма.

Они совершали подвиги. Получали ордена и медали, благодарности командования. Были ранены и контужены, лечились в госпиталях, становились инвалидами.

Многие из них так и не увидели Победы.

Эти ребята рано становились взрослыми. В детство возврата уже не было. Не детское дело война.

Вернувшись с фронтов, из партизанских отрядов, флотов, им нужно было искать свое место в жизни, тем более, что почти все были сиротами. Надо было думать о жилье, куске хлеба, учебе, специальности, работе. Большинство попадало в детские дома, ремесленные и фабричные заводские училища, проживало в общежитиях. Тем, кому особенно повезло, попали в Суворовские училища. У многих из них хватило мужества, упорства и терпения, чтобы преодолеть невероятные трудности и добиться признания.

Все это стоило огромного труда, ведь у многих здоровье было подорвано, они остались практически одни, без родных и близких.

Многие из этих маленьких героев до сих пор живут среди нас.

К сожалению, боевые биографии этих героев очень сложно восстанавливать. Многие из них очень скромные люди и не всегда удается их уговорить рассказать или написать о себе. Очень жаль. Конечно, память уже не та и время безвозвратно уходит и беречь старые раны не хочется, но ведь есть каждому о чем рассказать.

Нередко эти дети войны не имели даже красноармейских книжек и не числились в списках, хотя и были в воинских частях. На официальные запросы в Центральный архив Министерства обороны они получают стандартные ответы:

«ЛИЦА ДОПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА (ПОДРОСТКИ) СОДЕРЖАЛИСЬ В ЧАСТЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗА СЧЕТ ЛИЧНОГО СОСТАВА И В ДОКУМЕНТАХ, КАК ПРАВИЛО, НЕ БЫЛИ ОТРАЖЕНЫ».

В память о подвигах подростков в 1977 году в Курске был открыт единственный в стране, уникальный государственный музей «Юные защитники Родины». Там буквально по крупицам собран богатейший материал на каждого из более трёх тысяч юных патриотов. Заведены личные дела. Экспозиция музея никого, включая и зарубежных гостей, не оставляет равнодушными.

Поиск юных участников войны был начат в Курске в начале 1960-х годов большим энтузиастом и бессменным руководителем музея до конца своей жизни, фронтовичкой Кларой Александровой Рябовой.

7 мая 1998 года в Ставрополе был установлен памятник «Юные защитники Отечества. 1941-1945гг.». Этот монумент, первый в России, был сооружен в основном на пожертвования жителей не только Ставрополя, но и других регионов России.

В 2002 г. в Москве был установлен памятник юнгам-участникам боевых действий военно-морского флота.

Эти памятники – символ преклонения и дань памяти детям и подросткам, отдавшим своё детство, а порой и жизни, защите и восстановлению страны.

Проходят годы, вот уже и отзвучали фанфары 60-летию Победы, всё сложнее находить «детей войны» – скромных пожилых людей, среди ветеранов войны. Они не

очень любят вспоминать и рассказывать о своём военном детстве, хотя их память сохранила многое.

Среди них было много и еврейских подростков, которые прошли ещё и через гетто и лагеря, чудом спаслись, потеряв всех родных и близких.

Жаль, что многих уже нет с нами...

Наша задача – увековечить память о них в истории Катастрофы, а самое ценное использовать для воспитания будущих поколений.

К великому сожалению, только в 1994 году, в канун 50-летия Победы, в Федеральном законе о ветеранах было предусмотрено, что воспитанники (так во время войны назывались сыны и дочери полков) и юнги отнесены к категории участников Великой Отечественной войны.

Не многим из тех, кто участвовал в войне, будучи подростком, после принятия этого запоздалого закона, ценой невероятных усилий и унижений, удалось доказать военным чиновникам, далёким от той войны, что они находились в действующей армии.

Не детское дело – война. Но смерть, увечья и ранения на своем кровавом пути не разбирают, подросток ты или взрослый...

Еще никто точно не подсчитал, сколько всего подростков было на войне. Их участие еще не изучено и не осмыслено. Эта страница военной истории в полной мере не открыта и освещена крайне скудно.

Я, сам прошедший этот путь, хочу рассказать о подвигах и судьбах нескольких еврейских подростков. О многих удалось найти весьма скудные сведения. Каждый из них внес свой посильный вклад в Победу над нацизмом...

СОЛОМОН ХОМИХ

Родился 6 декабря 1928 года в семье Хаима Шлемовича (Ефима Соломоновича) и Софьи Наумовны. У него была еще трехлетняя сестра Юлия. Проживали в Минске.

К началу войны окончил 5 классов. Во время августовской облавы 1941 года в Минском гетто в лапы гестапо попал отец и был расстрелян. В числе первых расправлялись с мужчинами. Соломон, как мог, помогал семье выживать. От постоянных расстрелов, голода и болезней гетто таяло. Его с другими подростками направили работать в деревню Залужье. Работали под охраной украинского гарнизона. Заготавливали торф и обслуживали кирпичный завод.

В гетто и на кирпичный завод просачивались слухи, что в лесах появились партизаны. Соломон несколько раз убежал на их поиски.

Первая встреча с партизанами произошла в 15-20 километрах от Минска. В отряд не взяли, сказав: «Мы жидов не берем». Пришлось возвращаться. Во время второй – согласны были взять, если бы у него было оружие. Третья попытка удалась. Убежал с

торфоразработок и встретил отделение разведки. Его выслушали, пожалели и взяли с собой.

В августе 1943 года он был зачислен в отделение разведки партизанского отряда «Коммунар» бригады «Дядя Коля». Началась новая, нелегкая, партизанская жизнь подростка.

Мама и сестренка были уничтожены. Он остался один.

Как же он ненавидел фашистских палачей и их приспешников. Ему хотелось мстить, уничтожать их.

Вначале Соломон выполнял работу по хозяйству. Колол дрова, работал на кухне, носил воду, чистил картошку. Позже стал ходить в дозор, наблюдал за передвижением немцев и полицаев, сидел в засадах. Любая пара наблюдательных глаз и рабочих рук были очень нужны. Научился обращаться с оружием, стрелять. Побывав в разведке и засадах, почувствовал уверенность. Набрался сил. В ноябре 1943 года он попросился в диверсионную группу, которая выполняла самые опасные задания. Просьбу удовлетворили.

Помогая фронту, партизаны развернули рельсовую войну.

И вот получено задание – пустить под откос воинский эшелон на железной дороге Минск – Москва.

В группе их было двое. Старшим был шестнадцатилетний Владимир Шарапов, уже опытный подрывник.

Заряд – ящик 9-10 кг с взрывчаткой, который нужно было последние 150-200 метров ползком, незаметно протащить по открытому полю к железной дороге. Быстро заложить между рельсов, замаскировать, протянуть шнур от взрывателя под рельсами, отползти, затаиться и ждать поезда. Все это делалось очень-очень быстро, в промежутке между обходами патруля.

Любая оплошность могла сорвать операцию и стоить жизни. Многие подрывники не возвращались.

Смеркалось. Томительно потянулось время. Ждали примерно два-три часа. Стало темно. Появился поезд. Соломон со всей силы дернул за веревку, рвануло очень удачно между паровозом и первым вагоном.

Воинский эшелон с живой силой, боевой техникой и боеприпасами пошел под откос.

Взвились ракеты, началась стрельба. Ребятам удалось скрыться.

На счету отделения, в котором воевал Соломон, 11 кусков вырубленного подземного кабеля связи Берлин – фронт. У партизан был закон – каждая диверсия должна быть подтверждена представлением в штаб куска вырубленного кабеля. Еще было уничтожено более 3260 метров проводной связи на магистрали Москва – Минск. Связь уничтожалась на трассе регулярно. Спиливали и валили телеграфные столбы.

Группой из трех человек, в которую входил Соломон, было подорвано 3 автомашины, убито 4 и ранено 13 фашистов. Захвачены ценные документы и оружие. Он участвовал в четырех засадах, где было уничтожено и повреждено 9 автомашин и убито 11 фашистов.

В шести боях с фашистами и полицией был убит 41 фашист и ранено 12, убито 6 полицейских и ранено 8.

Наступил момент, когда оккупанты решили покончить с партизанами. Для этого были сосредоточены большие армейские силы, техника и авиация. Партизанский край был блокирован. 15 июня 1944 года кольцо блокады начало сужаться. Партизаны маневрировали, скрывались в болотах, прорывались небольшими группами.

Соломон участвовал в боях во время блокады в районе озера Палик. Казалось, что не вырваться из этого огненного сжимающего кольца. Боеприпасы кончились, думалось – гибель неизбежна. Две недели – дни и ночи непрерывных боев, обстрелов и прорывов. Скрывались в болотах.

Во время блокады он получил легкую контузию и небольшое ранение в ногу. Сапоги на болоте не снимал около двух недель. От болотной грязи и воды нога распухла, покраснела и загноилась.

Войска Третьего Белорусского фронта были брошены на выручку партизанам. 30 июня 1944 года со стороны Орши появились красноармейские части. Из-за опасности гангрены 6 июля Соломон был срочно эвакуирован в Оршу в полевой госпиталь, где находился до 28 июля 1944 года.

17 июля в Минске прошел парад партизан. Из-за ранения Соломон не смог в нем участвовать.

После госпиталя отправился в Минск, в штаб партизанского движения. Оказалось, что в списках он числился как пропавший без вести. Ошибку исправили. Соломон получил документы, подтверждающие его пребывание в отряде. Так закончилась война для бывшего узника и бойца партизанского отряда.

К этому времени ему было всего-навсего неполных 16 лет.

Остался он совсем один. Но судьба сжалилась над ним. В Минске встретил дальнюю родственницу – тетю Рахиль. Какое-то время ночевал у нее, в маленькой комнатухе на полу. Тетя спаслась, она вернулась в Минск из известного еврейского партизанского отряда, организованного Шоломом Зориным.

Потом нашлась в Москве сестра отца – тетя Хая, к которой он перебрался. Он стал ей как сын. Жили они с тетей на чердаке.

Здоровье Соломона было подорвано. В 1948 году врачи обнаружили у него туберкулез. Лечение заняло долгих восемь лет.

Он окончил техникум и заочный машиностроительный институт. Работал инженером-механиком химической аппаратуры.

В 1957 создал семью, вырастил двух сыновей.

Соломон Хомих награжден медалью «Партизан Великой Отечественной войны» II степени и многими юбилейными медалями.

Сейчас он проживает в Москве.

МАРИЯ ФРЕНКЛАХ

Мария Миндлина (по мужу – Френклах) родилась 20 декабря 1927 года в семье Гирша (Григория) и Хаи Миндлиных. Семья была большая, вместе с Марией росли еще пятеро братьев. Проживали в деревне Редьки Мозырского района Полесской области. Работали в колхозе.

Братья Михаил и Аркадий были призваны в армию в 1939 году. Борис учился в фабрично-заводском училище в г. Мозыре, Вене было 15 лет, Нёме – 10 лет.

В декабре 1941 года семье удалось убежать из гетто Мозыря, куда их загнали нацисты. Вернулись скрытно в свою деревню, соседи-белорусы прятали их и, чем могли, помогали. Миндлины решили не подвергать их смертельной опасности, ушли в ближайший молодой ельник и зимовали там прямо на снегу.

Весной 1942 года их все-таки обнаружили, окружили, отца расстреляли. Детям с мамой удалось убежать. Приняли решение – Мария пойдет искать партизан, чтобы перебраться к ним. Партизан она не нашла, а в это время маму и братьев расстреляли.

Осталась она одна, и чтобы не умереть с голоду, пришлось вернуться в деревню и батрачить там. Ее ждала участь семьи.

Но неожиданно в деревню нагрянули партизаны. Ее, смышленную и работающую сироту, пожалели и забрали с собой. Так она стала бойцом Ельского партизанского отряда. Было ей тогда 14 лет.

Отряд действовал с 1941 года. Основное ядро состояло из 11 человек. Это было бюро райкома партии. Первый секретарь – Зусь Яковлевич Черноглаз, командир отряда – Антон Степанович Мищенко. Из 11 членов бюро шестеро были евреи: Гоникман, Перлов, Гутман, Кравец, Каплан, потом появился доктор Михаил Ильич Галицкий. Положение отряда вначале было тяжелейшее.

Немцы боялись леса, но предатели и полицаи были очень опасны. Они хорошо знали людей и местность, водили карателей. Отряд терял связных, явки. Население было запугано. Фашистская пропаганда работала день и ночь, в победу никто не верил. Но несмотря на это, отряд действовал. Спокойной жизни у оккупантов не было. Попытки разгромить отряд ничего не давали. Проваливались операции и по поимке командиров. За головы Черноглаза и Мищенко обещали огромное вознаграждение. Чтобы сдались командиры, фашисты брали в заложники их семьи.

Когда фашисты стали жечь деревни с людьми и народ увидел «новый порядок» в действии, население повернулось к партизанам, к своим защитникам, и охотно пошло в отряд.

Их отряд стал 37-ой Ельской партизанской бригадой и состоял из 4-х отрядов. З. Я. Черноглаз – комиссар бригады и первый секретарь подпольного райкома партии. Гоникман – командир 2-го отряда. Кравец – командир 4-го батальона. Каплан стал редактором подпольной газеты. Доктор Галицкий возглавил всю медицинскую часть.

Евреи шли на самые опасные задания и всегда были впереди. Никто не мог их упрекнуть в трусости и малодушии. За это их ценили и уважали.

Доктор Галицкий выполнял самые ответственные задания. Одессит, великолепный специалист, был заброшен из Центра к партизанам в 1941 году. Высокий, русский, в пенсне, свободно говорил по-немецки, выглядел, как настоящий ариец. Благодаря ему была проведена операция по ликвидации чиновника оккупационных властей двух

районов – Наравлянского и Ельского – фон Гарке. Потом была поставлена задача – уничтожить предателей в районе.

Предатели-полицаи, опасаясь партизан, укрепились в одной из деревень. Все попытки проникнуть туда проваливались. Доктор облачился в форму фон Гарке, оставшуюся у партизан, приехал на его же коляске, запряженной красивой лошастью. Роль переводчика исполнял особист Кирюшкин.

Въезд «комиссара» с переводчиком в эту деревню был торжественен, встретили хлебом-солью. Сказали, что комиссия инспектирует результаты борьбы с партизанами и боевую подготовку.

Приказано построиться на плацу всем, включая постовых, с полной боевой выкладкой. Комиссар был недоволен видом, выправкой, делами, пускал в ход кулаки в лайковых перчатках. Загонял до пота.

Кирюшкин перевел: «Комиссар говорить будет. Собраться в доме! Оружие в козлы!»

Партизаны подтянулись к деревне и окружили ее.

В наступившей тишине прозвучало четко, по-русски: «За измену Родине – расстрел». Предатели сначала онемели. Затем – крики, просьбы, слезы. Выводили по одному. Расстреляли не всех. Здесь же были родительские просьбы и мольбы. Некоторых, у которых на руках не было крови, взяли на поруки. Это всего лишь одна из многих операций отряда.

Для Марии такие смелые и отчаянные люди были примером мужества, чести и долга. Они заменили ей семью. Для многих молодых партизан они были больше, чем командиры.

Она работала с доктором в санчасти. Это особая, нелегкая работа с ранеными и больными. Была санитаркой, помогала во время операций, работала поварихой и прачкой... У нее было огромное желание помочь этим израненным партизанам, как она их называла, «ребятам». Большой наградой были благодарные взгляды тех, кого она выходила и спасла. Ею гордились и ставили в пример другим.

Многое пришлось пережить: бои, бомбежки, обстрелы, трудности и опасности партизанской жизни. После этого уже потом, в мирной жизни, ничего не было страшно.

Зимой 1942 года немцы засекли партизан. За одну ночь отряд был выведен в безопасное место в район Красного озера. Госпиталь в спешке забыли. Доктор отправился искать какой-нибудь транспорт. Маша осталась с ранеными. Налетели фашистские самолеты. Небо смешалось с землей, стало темно, все было разворочено. К вечеру отряд вернулся. Она выскочила из укрытия, махала ушанкой и кричала: «Мы здесь, мы живы!»

Летом 1943 года для борьбы с партизанами были сняты войска с фронта. Уж очень много неприятностей они доставляли фашистам в тылу. Отряд попал в тяжелейшее положение. 4-й батальон, хозвзвод и раненые попали в засаду. Маша была с ранеными, доктор был на задании. В суматохе боя потеряли обоз, оружие и соль. Но все раненые остались живы. Четыре дня блуждали, искали отряд. Когда нашли – в отряде был праздник.

После партизанского отряда, в январе 1944 года, Маше некуда было идти, и она жила у Зуся Яковлевича Черноглаза, своего спасителя – первого секретаря райкома.

В отряде ее окружали добрые, смелые и справедливые люди. Их уже нет в живых, но с семьями многих из них она поддерживает связь и дружит.

Ее братья воевали на разных фронтах, прошли войну с 1941 года до Победы. Каждый из них был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

До конца своих дней братья мучились, считая своей виной, что не спасли родителей и младших братьев, но она понимала, что их вины в этом нет.

После войны Мария Григорьевна окончила филологический факультет Белорусского Государственного университета. Работала педагогом в школе.

Награждена орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» II степени, «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Мария Григорьевна – счастливый человек. У нее есть сын, дочь и двое внуков. Сын – ветеран Вооруженных Сил. Проживает она в Москве.

РОЗА ВИШНЕВА (ВАЛЕНТИНА ВИТКО)

Роза Гринберг (по мужу Вишнева) родилась 13 декабря 1925 года в Москве.

В 1941 году окончила 7 классов московской школы и за один день до начала войны – 21 июня 1941 года, с семилетней сестрой-дошкольницей Женей приехала на лето к тете Рахили, маминной сестре, в село Палуж Краснопольского района Могилевской области. Эвакуироваться не удалось.

В августе 1941 года немцы захватили Краснопольский район. В сентябре – октябре многие евреи Краснополя были расстреляны. Оставшихся в живых согнали в гетто. Там вместе с Розой оказались сестра Женя, тетя Рахиль, дедушка Иосиф и другие родственники.

Каждый день подростки из гетто отправлялись выполнять самую грязную и тяжелую работу. Они мыли полы у немецких солдат и полицаев, стирали грязное солдатское белье, убирали туалеты, носили воду, выносили помой, топили печи, убирали снег на дорогах... К ним постоянно придирались, насмехались и унижали. С каждым днем крепло желание вырваться из гетто. В апреле 1942 года просочились слухи, что ждут эсэсовцев, которые приедут уничтожить евреев. Посоветовавшись с близкими, Роза решила бежать в надежде найти партизан. Побег удался. За деревней Выдренка в лесу наткнулась на партизанский патруль.

Ее выслушали и забрали с собой. Настоящую фамилию она скрыла, говорили, что партизаны евреев к себе не принимают. Внешне она была похожа на украинку, говорила по-русски чисто. Придумала себе легенду и назвалась Валентиной Витко. Было ей тогда 16 лет.

Оставили ее в отряде Попудренко и определили в санитарную часть. Это был небольшой отряд, который вскоре влился в известное партизанское соединение Федорова. В отряде она находилась с 20 мая 1942-го по 26 сентября 1943-го до расформирования отряда.

Партизанские дороги соединения Федорова проходили по Черниговской области и по белорусскому Полесью.

Партизаны вели бои с немцами и полицаями, минировали железные дороги, уничтожали связь, громили гарнизоны. Как могли, помогали фронту. Было много раненых и контуженных. При отряде Попудренко был организован госпиталь, который в основном размещался в землянках с двухэтажными нарами. Розе с другими медсестрами, многие тоже были подростками, приходилось вытаскивать раненых с поля боя, оказывать первую медицинскую помощь, обрабатывать раны, помогать при операциях, выхаживать, кормить совсем слабых, поить, обстирывать, выполнять в лесном госпитале любую работу.

Много жизней спасли эти смелые и отзывчивые девчухи-партизанки.

Роза верила в свою судьбу, в свою счастливую звезду. Вытаскивая раненых с поля боя, под пулями и взрывами, она ни разу не была ранена, а ее подруги – неоднократно. Их с тяжелыми ранениями отправляли самолетами в Москву.

От них Розина мама узнала, что дочь жива. Какое это было счастье для матери! Только после соединения партизан с Красной Армией и расформирования она назвала свои настоящие имя и фамилию. Из придуманной Валентины Витко она снова стала Розой Гринберг.

Младшая сестра Женя, с которой Роза приехала к тете Рахили, тоже уцелела. Ей из гетто, перед очередным расстрелом в июне – июле 1942-го, удалось убежать. Она скиталась, потом ее, чуть живую, с риском для собственной жизни, подобрали и спрятали у себя в Краснополье смелые и добрые люди – семья Анастасии Владимировны и Николая Григорьевича Мельниковых. У них была еще 15-летняя дочка Зина, которая очень привязалась, полюбила и опекала, как сестренку, маленькую, беззащитную Женю. Этот героический и самоотверженный поступок был достойно оценен. Комиссия «Яд-Вашема» присвоила семье Мельниковых звание «Праведники народов мира». После освобождения Краснополья они переправили Женю в Москву, к счастливой маме. Ее девочки Роза и Женя чудом остались живы. Тетя Рахиль, дедушка Иосиф и все их родственники погибли от рук палачей.

Отец Розы и Жени тоже воевал и в феврале 1944 года вернулся из госпиталя инвалидом.

За самоотверженность и смелость в партизанском отряде Роза Сигизмундовна награждена орденом Отечественной войны II степени, памятной медалью маршала Жукова и другими юбилейными медалями. Сейчас она проживает в городе Лобня Московской области.

АНАТОЛИЙ БЛОНШТЕЙН

В 1927 году в семье Фани и Семёна Блонштейн родился второй ребёнок. Назвали его Анатолием. Семья проживала в Москве. Примерно за два года до начала войны родители Анатолия расстались, и Фаня с детьми (был ещё сын Григорий 1925 года

рождения) перебралась в Минск к брату Исааку. В Минске проживало много родственников.

Толя учился в школе, а Гриша в ФЗУ. Жизнь в Минске налаживалась, но война в один миг сломала всё. ФЗУ, где учился Гриша, было эвакуировано. Остальные застряли в Минске, эвакуироваться не удалось.

Уже 30 июня 1941 года в Минск вошли немцы, и в июле – августе Толя с мамой и вся родня оказались в гетто, где вскоре был расстрелян дядя Исаак.

Гетто таяло: убийства, убийства, убийства, страшный голод, болезни, скученность, вши доделывали своё страшное дело. Семья Анатолия уже не досчитывалась многих. Чтобы выжить, был только один путь – попасть к партизанам. Об этом мечтал пятнадцатилетний Анатолий.

Вырваться из гетто, найти партизан и остаться в отряде было очень сложно. Даже, если попадешь на территорию, контролируемую партизанами, ещё не значило, что останешься жив. Большинство отрядов не принимало евреев. Ответ был жёстким: «Мы жидов не берём». Были даже случаи убийств евреев, пришедших к партизанам. Агрессивный антисемитизм и распространяемые слухи породили среди партизан бредовую теорию, что гестапо засылает к ним евреев-лазутчиков и шпионов.

Минским гетто была налажена связь с еврейским партизанским отрядом, организованным Шоломом Зориным. Отряд номер 106 входил в состав партизанской бригады.

Сам Шолом Зорин бежал из минского гетто в конце 1941 года. Организовал вокруг себя небольшую группу, ставшую в дальнейшем костяком отряда. В отряде были в основном евреи, чудом спасшиеся от расстрелов и бежавшие из гетто.

Зорин был волевым, умным и смелым руководителем, хорошим организатором и настоящим лидером. Он умел подчинить себе людей, хотя не был кадровым военным. Была у него самая мирная профессия – столяр.

Связные-проводники переправляли из гетто в отряд хорошо знакомых, проверенных, ещё крепких и нужных для отряда людей, на которых можно было положиться и поручиться за них. Добраться до отряда, даже с проводником, было непростым делом. Любой неосторожный шаг ставил под угрозу многие и многие жизни, как в гетто, так и вне него.

В июле 1943 года из леса в гетто пробрался связной – подросток лет шестнадцати. О его приходе знала небольшая группа надёжных людей. Среди них была семья Григория Каплана, закадычного друга Анатолия. Он предложил ему бежать вместе.

Анатолий вспоминает последние тяжёлые, трагические минуты расставания с мамой. Они оба понимали, что больше уже никогда не увидят друг друга. Оставаясь одна, без поддержки, мама не теряла надежды, что хоть он останется жив. Она понимала, что только там, в глубине партизанского леса, с оружием в руках, можно выжить. Другого выбора у них не было, да и этот случай был подарком судьбы – бегством из ада.

Тёмной ночью группа из шести человек проползла под колючей проволокой, прокралась удачно по городу и с помощью мальчика-проводника направилась в лес. Побег удался, они удачно добрались до отряда Шолома Зорина.

Жаль, что ни фамилии, ни имени этого героя-подростка, своего спасителя, он из-за конспирации так и не узнал.

Кто они, сколько их было таких безымянных, бесстрашных героев-проводников и связных, которое вывели в лес узников из минского и других гетто? Сколько их погибло, и сколько жизней они спасли, мы, наверное, уже никогда не узнаем. Очень жаль.

Анатолий с горечью вспоминает, что следующей группе не повезло – она попала в засаду и была уничтожена.

С июня 1943 года началась новая боевая партизанская жизнь шестнадцатилетнего подростка Анатолия Блонштейна и его друга Григория Каплана. Сначала его определили в семейное подразделение отряда. Занимался хозяйственными работами. К нему привыкали и присматривались, оценили его возможности и назначили в боевой взвод охраны вторым номером к ручному пулемёту Дегтярёва, а первым номером был еврей из Польши.

Взвод охраны у партизан очень растяжимое понятие: охрана безграничных ближних и дальних рубежей, патрулирование дорог, участие во внезапных операциях по уничтожению предателей-полицаев, нападения на обозы и гарнизоны, дозоры и засады, добывание продуктов с оружием в руках, хозяйственные работы и многое другое.

Любая пара рук днём и ночью в партизанском хозяйстве всегда была востребована. На вопрос, много ли им было уничтожено предателей и фашистов, Анатолий скромно отмалчивается, но уверяет, что за маму и родных он отомстил.

К концу 1943 года в отряде Зорина уже насчитывалось более 800 человек. Было три подразделения: боевое, вспомогательное и семейное.

Анатолий вспоминает последний, самый жестокий бой в начале июля 1944 года. Это было перед самым соединением с частями Красной Армии. На базу нагрянула отступающая немецкая часть. В этом бою погибло много партизан. Был ранен в ногу Шолом Зорин. Анатолий оказался рядом, и он вместе с женой Шолома вывели его из боя. Пуля оказалась разрывной, и ногу пришлось ампутировать.

Анатолию везло – он ни разу не был ранен.

После соединения отряда с Красной Армией, он участвовал в параде белорусских партизан в Минске, после чего отряд был расформирован.

Он все-таки надеялся найти в Минске кого-нибудь из близких, но нигде никого разыскать не удалось. Мама и все родные были уничтожены. Остался он один-одинёшенек. Надо было принимать решение, что делать дальше.

Решил пойти добровольцем на фронт и продолжать мстить за унижения и надругательства, за замученных и растерзанных близких.

Его возраст не был призывным. Пошёл в военкомат, прибавил себе один год, и был призван в армию. Его направили в запасный полк, оттуда – в отдельный артиллерийско-зенитный 540 полк при штабе Второго Белорусского фронта орудийным номером – рядовым. Их полк участвовал в Львовской операции.

День Победы встретил во Львове. Потом полк был переброшен в Польшу, где Анатолий прослужил до демобилизации 6 ноября 1950 года. За это время отцу,

проживавшему в Москве, и Анатолию удалось найти друг друга, и Анатолий поехал в столицу.

Прописался в общежитии и начал трудиться рабочим по очистке подземных коммуникаций на Первом государственном подшипниковом заводе. Там проработал 48 лет, и в 1998 году, будучи бригадиром, ушёл на пенсию.

Анатолий Семёнович награждён орденом Отечественной войны второй степени и многими медалями. За честный труд награждён двумя медалями «За трудовое отличие».

Отец Анатолия тоже воевал в Народном ополчении, получил тяжелое ранение в руку и был «списан», как говорит Анатолий.

Брата Григория, которого с ФЗУ эвакуировали из Минска, разыскать не удалось. Его судьба осталась неизвестна. Следы его затерялись в огне войны.

Анатолий Семёнович – счастливый человек. У него два сына, пять внуков и два правнука. Один сын – кадровый военный, подполковник в отставке. Проживает в Белоруссии. Второй – инженер. Работает в Москве. Сам Анатолий Семёнович проживает в Реутово Московской области.

РУВИМ ЗЛОТНИКОВ

Когда началась война, Рувим успел окончить семилетку. Во время суматохи при эвакуации из горящего Смоленска он потерялся. Неизвестно каким путем ему удалось попасть в отряд “Дедушка”. Парнишка неплохо владел немецким языком и был определен к разведчикам. Брали его на боевые операции. Тот день 22 июня 1942 года оказался для него роковым.

Вместе со своим командиром взвода он заступил на дежурство по штабу отряда. Но среди партизан оказался предатель. Он привел карателей-немцев к штабу. Налет был внезапным. Дежурные погибли.

Через два месяца Рувиму Злотникову должно было исполниться “шестнадцать мальчишеских лет”.

Об этом рассказала его сестра Евгения Злотникова.

ЛИДИЯ ДРЕЛЬ

Осенью 1941 года в партизанский отряд им. Котовского, командиром которого был Иван Лановой, вошла группа евреев из 14 человек во главе с Исааком Бильком. Партизаны действовали на территории Хмельницкой области Украины. В боях на рубеже 1941 -1942 годов партизаны понесли большие потери. Из этой группы евреев-партизан уцелело только трое.

Лидия Дрель, 1932 года рождения, находилась в отряде с января 1942 года по февраль 1944 года. Выполняя разведывательные задания, она четко запоминала поставленные перед ней задачи. В целях конспирации записки заплетала в косы.

О себе говорила, что в то суровое время: “Ум опережал годы”. В боях погибли ее отец и дядя.

МОШЕ ТЕМКИН

Моше Темкин родился в 1931 году в городе Станиславе (ныне Ивано-Франковск в Украине), который до 1939 года входил в состав Польши.

Через неделю после прихода немцев в Станиславе была проведена акция уничтожения. Было расстреляно более 1500 евреев.

Через три дня большую группу из оставшихся в живых отправили в гетто городка Бучач. Среди них была и семья Темкиных: отец, мама, брат и он. Во время очередной акции уничтожения мама с ребятами спрятались под полом в схроне. Отец в это время работал вне гетто. Схрон был обнаружен и всех выгнали на улицу. Во время суматохи Моше спрятался под периной и лежал там “не дыша” и к тому же на него упал обессилевший человек, не могущий подняться и выйти наружу, которого на месте застрелил немец.

Под этим мертвым он пролежал два дня, пока не вернулся отец и нашел Моше. Маму и брата убили.

В 23 километрах от города, в деревне Дубново, отец спрятал его у одного крестьянина, а сам ушел в партизаны. Раз в неделю – ночью отец приходил и приносил деньги на его пропитание. Пробыл Моше у этого крестьянина три месяца, но когда тот узнал, что отца-партизана убили местные украинские националисты, то выгнал Моше.

Появившиеся в деревне партизаны забрали паренька. Так оказался он в роте, входившей в отряд Ковпака. Командиром роты был лейтенант Василий.

Когда стало известно, что немцы начинают акции против партизан, командир позвал его и еще одного 15-ти летнего подростка и приказал: «Вы самые молодые в лагере, должны подорвать вражеский эшелон с войсками, которые будут действовать против партизан».

Была полночь. Им дали завернутые в мешок мины и велели выйти к железной дороге затемно, поскольку в 7:30 должен был пройти поезд.

Ребята шли всю ночь. Утром осторожно все подготовили и затаились. Вдоль дороги сновала охрана, проходили поезда. Ребята с нетерпением смотрели на часы. В семь часов вышли из убежища. Вокруг никого не было. Заминировали путь и быстро скрылись. Проходящий патруль ничего не заметил.

Ребята быстро уходили прочь. Пройдя около двух километров, услышали взрыв со стороны железной дороги. Вернулись в отряд. Той же ночью отряд ушел в Карпаты. Там во время одной из схваток Моше был ранен в ногу.

Позднее отряд перешел на территорию Украины поближе к линии фронта для совершения диверсий на железной дороге.

В одном из приднестровских городков был получен приказ подорвать мост. Партизанская рота, насчитывающая, 25 бойцов, в которую входил Моше, выполнила это задание.

Возвращаясь, они наткнулись на немецкую автомашину с солдатами. Началась перестрелка. Семь партизан были убиты, а Моше ранен в челюсть. Его подхватили товарищи и им удалось скрыться. Целый месяц он лечился, пока рана не зарубцевалась.

В 1948 году Моше Темкину удалось попасть легально в Израиль.

АРКАДИЙ ТЕЙФ

Аркадий (по другим сведениям, Абрам) Тейф, 1927 года рождения сначала был разведчиком в партизанском отряде №106 в Белоруссии. Командиром отряда был Шолом Зорин.

Однажды группа народных мстителей в количестве 11-ти человек, в которую входил Аркадий, ушла на боевое задание. Ничего не подозревавшие партизаны попали в засаду – выдал предатель.

Вся группа была обнаружена и захвачена в плен.

Связав всех партизан веревкой, повели их на расстрел...

Очнулся Аркадий от ноющей раны и тяжести лежащих на нем трупов товарищей. Собрав последние силы, он сумел развязать веревку и вернулся в отряд. Потом Аркадий стал воспитанником (сыном полка) 57 артиллерийского полка 95-й стрелковой дивизии.

Войну закончил в Берлине, награжден пятью медалями.

ТАДЕУШ ВАЙНБЕРГ

В отряде «Не погибла еще Польша» («Еще Польша не стинела») под командованием полковника Роберта Сатановского Тадеуш участвовал в боевых операциях против немцев и их украинских пособников на территории Волыни и Полесья. Служил в должности санитаря и бойца.

В конце сентября 1943 года командование направило боевой отряд на диверсионное задание. Было поручено подорвать немецкий воинский эшелон, идущий на восточный фронт. Тадеуш был в этом отряде.

Задание было выполнено, но отряд понес большие потери, вызванные обстрелом немецкой охраны и украинцев из ближайшего гарнизона.

Тадеуша оставили с двумя ранеными партизанами до наступления темноты, чтобы под покровом ночи перенести их в отряд. Перевязав раненых, из которых один получил ранение в живот, другой в грудь, Тадеуш спрятал их в копне сена недалеко от станции, под самым носом у немцев и украинцев, рыскавших поблизости. Ночью он привел партизан и раненых перенесли в лагерь. Первая помощь, которую он оказал и последующее лечение спасло им жизнь.

Командир, полковник Сатановский представил Тадеуша к награждению Партизанским крестом.

В 1991 году бригадный генерал Роберт Сатановский написал:

«В тот период Тадеуш Вайнберг отличался смелостью, в особенности участвуя в диверсионной операции под Ракитино. Он проявил настоящую партизанскую находчивость, отвагу и мужество, рискуя своей жизнью ради товарищей по оружию. Отдавая дань его поступку, я рекомендовал представить к награждению Партизанским крестом».

Сатановский употребляет слова «отвага», «находчивость», «мужество», а ведь Тадеушу тогда было всего 15 лет. Партизанский крест он так и не получил, потому что война закончилась и он сразу, в 1945 году из Польши отправился в Палестину.

ВЛАДИМИР ХИЗВЕР

Володя Хизвер оказался немногим из узников смоленского гетто, кто уцелел в роковую ночь с 14 на 15 июля 1942 года. В последний момент мать подтолкнула его в сторону картофельного поля и шепнула: «Беги. Прячься». Долгим и полным опасностей и испытаний был путь 14-летнего подростка до 2-й Клетнянской партизанской бригады, что действовала в Брянских лесах.

Володя был ездовым, связным, ходил на задания, участвовал в засадах. Получил награду – медаль «Партизану Отечественной Войны». В 1944 г. направили Володю в суворовское училище.

24 июля 1945 года он участвовал в Параде Победы.

Наверно, он был если не самым юным, то самым маленьким из шагавших по Красной площади. Рост у Владимира Иосифовича очень маленький. Возможно, маленький рост спас его той ночью 1942-го.

Вспоминая войну, В. И. Хизвер сказал, что на фронте, в партизанах и гетто погибли 17 его двоюродных братьев и сестер.

ВЛАДИМИР ТЮТЮННИК

В 1942 г. 16-летний Володя сбежал из дому. Прибавив два года, он добровольцем ушел на фронт.

До 11 мая 1945 года он воевал в 318 стрелковой дивизии. Был ранен, контужен.

В семье вспоминают рассказ Володи о смертельной схватке в феврале 1945 года.

В штыковой атаке Владимир был поражен немецким штыком в правое плечо. Теряя сознание, он увидел озверевшее лицо фашиста, который размахнулся, чтобы добить раненого. Но судьба была к нему благосклонна. Раздался выстрел, и немец рухнул замертво. Жизнь ему спас капитан, назвавшийся Василием. К сожалению, фамилия капитана-спасителя неизвестна.

ИЛЬЯ ХАЙКИН

У Ильи Хайкина не было другого пути, кроме того, что вел на войну. Отец и старший брат ушли воевать в первые же дни. Мать работала санитаркой в военно-полевом госпитале. В сентябре 1941 года родной Мариуполь захватили фашисты. Что было делать 13-летней мальчишке?

В Нахичевани формировалась в то время 402-я стрелковая дивизия. Командир понял, что мальчишка обманывает, никакие ему не 14 лет. Но дрогнуло что-то в сердце командира, когда представил, что парнишка останется без крова над головой, будет скитаться по дорогам с колонной беженцев.

Илью отправили в учебный батальон младшего состава. Учился хорошо. Схватывал все на лету. Им были довольны.

Вернулся в свой взвод сержантом. В феврале 42-го дивизию перебросили в Моздок. В боях за город и станицу Ищерскую она понесла тяжелые потери и была отведена в Грозный на переформирование.

После этого Илья попал в 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию командиром расчета отдельного пулеметного взвода.

Шли тяжелые бои. Под станицей Крымской вместе со своими товарищами по расчету Илья поддерживал наступление пехоты. В том бою они уничтожили более 80 фашистов. Юный сержант прошел со своей дивизией весь Кавказ, участвовал в освобождении Новороссийска.

Там его очень тяжело ранило в голову и позвоночник. Из Кисловодского госпиталя его выписали только в июне 1944 г. Так, в 17 лет Илья Хайкин стал инвалидом II группы. И только в 1951 году Илью Ошеровича вызвали в мариупольский военкомат, где вручили Орден Славы III степени. Все это время он не знал, что удостоен такой высокой награды.

БОРИС РАХАМИМОВ

Родился Борис в 1930 г. в Азербайджане. После трагической гибели родителей в апреле 1942 года он попал в Бакинский детский дом, но пробыл там не более года. Целыми днями бродил по бакинским улицам. Слушая сводки Совинформбюро, которые передавались через мощные громкоговорители, он мечтал о фронте. Решил туда добраться и мстить проклятым фашистам.

«Собачий ящик» под вагоном довольно не подходящее место для путешествий. В этом ящике он доехал до недавно освобожденного от оккупантов Ростова-на-Дону. Поезд дальше не шел и он весь день слонялся среди раненых, ожидавших отправки в госпиталь.

Потом забрался под брезент, которым на железнодорожной платформе было укрыто оружие. Прислушивался, как, постукивая колеса вагона отсчитывают километры. В ночном небе гудели моторы бомбардировщиков. Эшелон попал под бомбежку.

Борис спрыгнул с платформы и бежал...

К утру, обессиленный он добрался до полустанка. До следующей станции отсыпался в тамбуре грузового вагона.

Его растолкали две женщины в военных шинелях. Они засыпали мальчишку вопросами, а он, плохо понимая русский язык, стоял потупившись и соображал, как быстрее улизнуть. Бориса привели к командиру.

«Накормить и отправить в тыл», – приказал полковник. Однако планы мальчика не совпадали с решением полковника. Уплетая солдатский борщ, он украдкой рассовывал по карманам сухари.

И кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Бориса, если бы не солдаты.

«Оставьте цыганенка у нас», - попросили они командира роты Харитона Гацировича Рамонова.

И 4 марта 1943 года началась фронтовая жизнь юного мстителя.

Из солдатского обмундирования новому бойцу роты, входящей в состав батальона 62-й армии, сшили форму. А кличка «Цыганенок» так и осталась за тринадцатилетним солдатом. Смуглый, черноволосый, он и впрямь был похож на маленького цыгана.

Поначалу Борис был связным. Потом помогал выносить раненых с поля боя. А приняв присягу и получив автомат, вместе с другими бойцами конвоировал пленных.

Юго-Западный фронт, Третий Украинский, Первый Белорусский. Окопы, сражения, полевые лазареты. Четыре ранения в его послужном списке.

Бережно хранит Борис Шамаевич Рахамимов пожелтевшие от времени приказы Верховного Главнокомандующего. Это благодарности за прорыв обороны противника на реке Одер, за овладение городом и крепостью Познань, за взятие городов Лодзь, Люблин, Берлин...

ИГОРЬ МАНЕВИЧ

После финской компании полк, которым командовал отец Игоря был расквартирован в Выборге. В первых числах июня 1941 года отец взял сына к себе. В ночь на 22 июня он проснулся от странного грохота. Отец стрелял, стоя у окна и крикнул ему: «Ложись!» Перестрелка началась со случайного выстрела и переросла в беспорядочную стрельбу.

Первым же поездом Игоря отправили домой в Ленинград. Вскоре приехал и отец. Когда началась эвакуация, отец уверенно заявил: «Никуда мы не поедem, немец город не возьмет. Может будут уличные бои, но город мы не сдадим». Эта уверенность отца запомнилась навсегда.

Уехать все-таки пришлось. Началась эвакуация 194-й школы в которой Игорь учился. Эвакуировались в Калининскую область (Молвотинский район, совхоз «Павлово»). Как только туда приехали, началась эвакуация совхоза. Школьники и местные жители на поводах добрались до города Демянска.

И тут все смешалось. Немцы начали бомбить. Все бросились врассыпную. Игорь оказался на какой-то железнодорожной станции. Прыгнул в проходивший состав. Состав бомбили, но он привез его в Ленинград. Было это 20 – 21 августа 1941 года и

был это последний эшелон с нашими частями, пришедший в город перед тем, как кольцо блокады замкнулось.

Бомбежки, страшный голод, покойники... Он уже начал умирать с голоду, когда старшая сестра взяла его к себе, на телефонный узел учеником ради рабочей карточки. С 1 февраля 1942 года началась его рабочая военная биография. Было ему тогда 14 лет.

Потом пришло извещение о том, что на Ленинградском фронте пропал без вести отец.

Наступила весна. Игорь пытался попасть на фронт, но его детский вид никого не мог обмануть.

Ждал с надеждой осени. Много вечеров провел на сборном пункте на проспекте Карла Маркса.

В один из наиболее темных вечеров, солдаты взяли его в общую кучу и с ними он попал в распоряжение 29-го стрелкового полка 270-й дивизии, впоследствии 45-й гвардейской.

В конце сентября началась его фронтовая жизнь. Считался он просто воспитанником. Это потом воспитанников стали называть «сынами полков». В первый же день дали ему солдаты по своей доброте один котелок каши, второй, третий... Спыхватились, когда начались жуткие колики в желудке. Игорь чуть не умер.

Дивизия в боях не участвовала, ее готовили к прорыву блокады. Служил связистом, бегал с полевым телефоном, ползал по линии фронта и налаживал связь. Это было очень опасно, кабель то и дело рвался от осколков мин и снарядов и надо было с катушкой на плечах ползти и искать повреждения.

Начался прорыв блокады. Их часть должна была взять почти отвесный и сильно укрепленный берег около 8-й ГЭС. 18 января 1943 г. во время атаки Игорь был тяжело ранен.

Нашла его среди трупов и спасла одна женщина из медсанбата, Валентина Петровна Белугина. Попал в эвакогоспиталь № 10/14, располагавшийся в педагогическом университете. Когда поправился, его, пятнадцатилетнего мальчишку, без паспорта, без документов, девать было некуда. Оставили работать в госпитале. Работал телефонистом, учился водить машину, колот дрова.

Был еще такой случай, когда Игорю очень повезло.

Напротив госпиталя лежали аэростаты воздушного заграждения, их подымали во время налетов, чтобы защитить госпиталь и Исаакиевский собор от авиации.

Однажды он только выехал на машине из гаража, как начался артиллерийский обстрел. Один из снарядов угодил в кузов его «ГАЗ-42», машины наполовину собранной из фанеры. Взрывной волной его подняло с сиденья, он пробил крышу и ... улетел. Когда все стихло, бросились его искать, но найти не могли. Ни следов, ни крови. Нет человека – и все! Но, к счастью, солдаты аэростатного заграждения заметили, что один аэростат спустил воздух и сложился. Игоря нашли в аэростате. Не будь этой «подушки», закончился бы его «полет» смертью на асфальте у Мойки. Обошелся этот трагикомический случай, для Игоря тяжелой контузией.

После войны он несколько лет прожил в госпиталях, да и теперь, через многие годы, раны часто напоминают о себе...

ЛЕОНИД ГОЛЬВЕРК (МИХАИЛ ЯРОВОЙ)

До войны в небольшом городке Новомосковске Днепропетровской области Украины жила дружная работающая семья Михаила Вульфовича и Софьи Осиповны Гольверк. Было у них четверо детей. Старший сын Наум родился в 1918 году, средний, Владимир – в 1919 году, дочь Адель – в 1927 году и Леонид – в 1930 году.

К началу войны старшие братья Наум и Владимир служили в армии. Адель окончила шесть классов, Леонид – четыре.

Отец работал в артели «Червоний швець». Семья держала корову и много другой живности. Не просто было управляться с таким хозяйством. Основным помощником был Леонид.

Он был крепким, сообразительным пареньком, было у него много друзей среди соседей. Особенно был дружен с Вадиком Строканем, отец которого очень помог Леониду в дальнейшем.

С 22 июня 1941 года всё изменилось. Паника, беженцы, отступление армии. Семья должна была эвакуироваться, но в самый последний момент из-за тяжелого сердечного приступа у мамы пришлось остаться.

27 сентября 1941 года в Новомосковск вошли фашисты. С первых же дней начались садистские и изуверские издевательства. Пожилых людей, в том числе и отца Леонида, заставляли строем бегать, маршировать, весело и громко петь «Катюшу»... Все мужчины от 14 до 60 лет ходили на принудительные работы. Начали грабежи. Заходили в дома, рылись в вещах и забирали, забирали, забирали...

В самое холодное время, в конце декабря 1941 года, на окраине города, около речки Самара было выделено несколько домов, куда переселили все евреев города. Так образовалось гетто.

Место было выбрано неслучайно – во время весеннего половодья этот район превращался в остров, и выбраться оттуда можно было только на лодке.

В то трагическое утро 15 марта 1942 года немцы и полицаи ворвались в гетто и начали криком и прикладами поднимать, торопить и выгонять на улицу изможденных сонных людей. Леонид с ужасом вспоминает крики, слёзы, плач женщин и детей, стоны стариков, истерики, ругань, угрозы полицаев. Полуживых и полуодетых людей выгнали, построили и повели к лодкам.

По дороге Леониду в какое-то мгновение удалось незаметно, стрелой нырнуть в один из пустых домов и спрятаться. Когда всех повезли на берег, он прокрался за свой полузатопленный дом и там прятался, дрожа от холода и страха, стоя по горло в ледяной воде. Сколько он так простоял, сказать трудно, но его заметила выглянувшая в окно женщина из дома напротив, вне гетто. Он был «выловлен» из мартовской холодной воды, в которой ещё плавали льдинки, и погружен в лодку.

Привезли его к себе добрые и смелые люди – семья Бабенко. В этом опасном деле самую активную роль сыграла их племянница Наталья Васильевна Левченко (Бабенко). Они отогрели Леонида, высушили одежду, накормили и в сумерках перевезли в город на лодке. Остаться здесь было небезопасно.

Всех евреев из гетто изуверски уничтожили. Взрослых расстреляли, а маленьких детей бросали в яму живыми.

В городе Леониду не удалось спрятаться у кого-либо из бывших соседей и друзей семьи, и он решил добираться до деревни Губиниха, которая находилась примерно в 20 км от города. В этой деревне жил друг семьи Фрол Иванов, и мальчик рассчитывал спрятаться у него. Но у Фрола на постое были немцы, и нельзя было даже переночевать. Посоветовали обратиться к старосте – только с его разрешения можно было переночевать. Деваться было некуда – пришлось с замиранием сердца идти к старосте.

Услышав резкий, как удар хлыста, вопрос: «Фамилия, имя, отчество?» – Леонид сначала опешил, но быстро, в один миг, нашелся и выпалил, – «Яровой Михаил Григорьевич!» Получил бумажку – «документ», что он, Яровой, может переночевать в клубе там ночевали бродяги.

С этого момента из Леонида Гольверка он превратился в Михаила Ярового. Ему очень повезло. Он не был похож на еврейского ребёнка. С этим «документом» началась полная опасностей бродячая жизнь. Еду приходилось добывать попрошайничеством и как-то устраиваться на ночевку. Таким образом он прошёл по немецким тылам Днепропетровскую, Полтавскую, Сумскую и Харьковскую области.

Где-то в пути познакомился и подружился с совсем молоденьким пареньком, таким же скитальцем, но уже побывавшем в плену. Двигались на восток в надежде перейти линию фронта. В самый последний момент, когда было решено ночью переходить, старший «друг» куда-то испарился.

Леонид решил переходить фронт один. Задержали румынские солдаты и передали в немецкую комендатуру. Комендант с переводчиком требовали ответа: «Кто и зачем прислал тебя с той стороны?» Не верили никаким придуманным объяснениям, что, мол, шёл к тётке в деревню на ту сторону. Кричали и ругались. В их разговоре было тихо-тихо произнесено слово «шиссен» – расстрелять. Заперли в сарай. Там Леонид обнаружил, что одна доска отодвигается. Когда наступила ночь, он незаметно вылез через эту щель и бежал, бежал, пока не свалился в изнеможении.

Хотя ему ещё не было полных двенадцати лет, он понимал, что пора прекращать скитаться, надо где-то закрепиться и ждать освобождения. Был он очень истощен и слаб, силы были на исходе, донимали голод и вши.

Двигаясь теперь уже на запад, забрел в деревню Бунаково Харьковской области. Остаться в ней можно было только с разрешения коменданта. Тут ему очень повезло. В комендатуре по делам оказался староста деревни Гороховка по имени Фриц. Был он из семьи немецких колонистов, проживавших в этих местах. Он забрал Леонида и на подводе привёз его в Гороховку. Хорошая женщина Ульяна Никифоровна Стрельцова приютила мальчика, хотя у самой было двое детей, Федя – 15 лет и Лида – 9-10 лет. Леонид стал третьим.

Так началась уже совсем другая жизнь Леонида. Работал подпаском у пожилого пастуха. У Стрельцовых он жил, как член семьи. Помогал по хозяйству со скотиной. Зимой его определили работать на конюшню.

В конце февраля 1943 года Гороховку освободила Красная Армия. Как же долго он ждал этого дня! Но, к огромному сожалению, наступление захлебнулось и он, с торбой под мышкой, ушёл с беженцами и войсками на восток. Шли несколько дней по весенней распутице. Казалось, что зимняя хлябь всасывала в себя людей, технику, повозки. В каком-то районном центре его и других беженцев направили в колхоз деревни Живая. Определили в семью пожилых людей. Посевная была в разгаре. Работал в поле, пахал землю на волах и коровах, делал всё, что поручали. Намечалось большое наступление. На колхозном поле был подготовлен большой аэродром. На него «сел» 673 штурмовой авиаполк, переброшенный с Северо-Западного фронта.

Леонид общался с военными и очень хотел быть среди них, мстить за расстрелянных родителей, сестру и дедушку. Он помнил, что его братья тоже где-то воевали. Посоветовали обратиться к командиру полка и замполиту с просьбой взять в полк. Рассказал он им свою историю. Обещали подумать. А через несколько дней за ним пришёл старшина и привёл в землянку командного пункта, где Леонида определили в подчинение к механику по приборам самолёта ИЛ-2 старшему сержанту Павлу Сидорову. Так Леонид стал мастером по электрооборудованию самолётов третьей эскадрильи.

Основным документом, подтверждающим его личность, была всё та же бумажка на имя Михаила Ярового, выданная старостой деревни Губиниха.

С мая 1943 года жизнь Леонида в очередной раз круто изменилась. Начался тяжёлый напряжённый труд и кропотливая учёба в службе аэродромного обслуживания. Леонид очень старался. В полной солдатской форме, в пропыленном, как у всех «технарей», комбинезоне, он с рассвета до темноты наравне со всеми трудился. В любую минуту «ИЛы» должны быть готовы подняться в небо. Полк выполнял порой до четырёх дневных (ведь «ИЛы» – дневные самолёты) боевых вылетов. Часто промежутки между ними составляли около 40 минут. За такое короткое время надо проверить оборудование и подготовить самолёт к следующему заданию. Вручную необходимо было подвесить четыре стокилограммовые бомбы, восемь реактивных снарядов, зарядить две пушки по 150 снарядов каждая и два пулемёта по 750 патронов в ленте. На эти работы набрасывались все, в том числе и Леонид. Когда не хватало людей – ходил в караул.

На его глазах рождались Герои Советского Союза, их в полку стало одиннадцать.

Героизм полка оказал огромное влияние на формирование личности Леонида. Появилась мечта стать лётчиком, но за плечами было всего-навсего четыре класса.

В феврале 1944 года полку было присвоено звание Гвардейского, и он был переименован в 142-й Гвардейский штурмовой авиаполк. На торжественном построении при развёрнутом знамени всем, и Леониду в том числе, были вручены знаки гвардейцев. Счастливые минуты в его жизни...

В жизни полка были и трагические моменты, с боевого задания не возвращались экипажи.

За время его службы полк участвовал в боевых действиях на Воронежском, Степном, Первом и Втором Украинских фронтах. Участвовал в очень тяжёлых боях за рекой Висла. В Польше (район города Жешув) командование решило, что пора Леониду начать учиться. Пошёл четвёртый год, как он не был в школе.

Прощание с однополчанами было трогательным. Напутствия, пожелания, благодарности за хорошую службу, работу и выручку. Одели в новое с иголки обмундирование, и на перекладных из Польши Леонид добрался до Новомосковска. Город был сожжен и разрушен. Соседи жили в землянках. От них он узнал, что из эвакуации вернулся их самый близкий, ещё довоенный сосед Семён Сергеевич Строкань и сейчас, как до войны, работает вторым секретарём райкома. Пошёл в райком. Увидев его, Семён Сергеевич выскочил из-за стола, они обнялись, расцеловались и оба разрыдались, как дети. Разговоры и воспоминания были долгими. На вопрос, где он будет жить и что делать, Леонид пока ответить не мог.

Не долго думая, Семён Сергеевич на листке бумаги написал: «Директору детдома! Розалия Ивановна, прошу принять Гольверка Леонида Михайловича». С этого момента Леонид стал самим собой, Михаила Ярового не стало.

Было это в ноябре 1944 года. В детдоме начал учиться в пятом классе. Учиться было нелегко, но Леонид справлялся и успешно был переведён в шестой класс.

Счастливым и светлым День Победы встретил в детском доме. После окончания учебного года пришёл приказ – все воспитанники детдомов старше четырнадцати лет должны быть направлены на учёбу в фабрично-заводские училища (ФЗУ). Такую группу, и его в том числе, направили в Днепропетровск в ФЗУ при обувной фабрике. Стране срочно нужны были специалисты. Девочек обучали закройному делу, мальчиков – слесарному и токарному. Леонид начал учиться на токаря. Одновременно учился в вечерней школе. Отучился в ФЗУ четыре месяца, и его жизнь опять круто изменилась.

Воинская часть, где офицером служил его старший брат Наум, была передислоцирована в Горьковскую область. Брат забрал Леонида к себе. А средний брат Леонида Владимир пропал без вести – сгорел в огне войны...

В 1947 году Леонид закончил семь классов и поступил в 5-ю Горьковскую спецшколу ВВС. Это уже был первый шаг к давней мечте стать лётчиком. В спецшколе давали среднее образование и целенаправленно готовили к поступлению в лётно-технические училища.

После окончания спецшколы в 1950 году, Леонид по его просьбе был направлен в 1-е Чкаловское Военно-авиационное училище лётчиков. А в 1953 году после окончания училища стал лётчиком-штурмовиком.

Сбылась мечта чудом выжившего подростка, Леонида Гольверка, гвардейца, сына полка 142-го гвардейского штурмового авиаполка, Первого гвардейского авиационного корпуса, Второй воздушной армии.

Отдана дань памяти, уважения и выполнено обещание тем, с кем он прошёл по фронтам от Воронежа до Вислы. Леонид тепло вспоминает, как везло ему на добрых, простых и отзывчивых людей. После училища он служил во многих гарнизонах от

Курильских островов до Украины. В 1976 году, в чине подполковника, вышел на пенсию. Сейчас Леонид Михайлович с семьёй проживает в Москве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 7021. Оп. 75. Д. 371 (Акты Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Бучачском районе).
2. ЦА МО (Центральный Архив Министерства обороны РФ). Ф. ГЛР-3424. Оп. 18 598. Д. 2. (3-я Гвардейская танковая армия).
3. РГАСПИ (Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории). Ф. 260 (Толстой А. К.) Оп. 1.
4. Архив Яд-Вашем (Архив Национального Мемориала Катастрофы (Шоа) и Героизма «Яд-Вашем»). 016/580. Копия свидетельских показаний Самуэля Розенталя Еврейскому Историческому институту в Варшаве.
5. Архив Яд-Вашем. 016/111. Копия свидетельских показаний Исаака Шварца Еврейскому Историческому институту в Варшаве.
6. Архив Яд-Вашем. М.49.Е/11130. Копия свидетельских показаний Брониславы Палек Еврейскому Историческому институту в Варшаве.
7. Архив Яд-Вашем. 03/2055. Свидетельские показания Шмуэля Розена.
8. Архив Яд-Вашем. TR-10/960. Копия обвинительного заключения прокуратуры г. Мангейма (Германия) от 3.09. 1970 г. по делу Альберта Бретшнайдера и Рихарда Пала.
9. Архив НПЦ «Холокост» (Архив Научно-Просветительного Центра «Холокост»). Коллекция «Гетто». Д. 26.
10. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 14. Коллекция «Аудиовизуальные материалы». Интервью с В. Г. Гехтом (2001-2009).
11. Главная дирекция государственных архивов Польши, Варшава. (Naczelna Dyrekcja Archiwow Panstwowych). Свидетельство о рождении В. Г. Гехта (пол. яз.).
12. Главная дирекция государственных архивов Польши, Варшава. Свидетельство о браке Пепы Гиришгорн и Самуэля Герша Гехта (пол. яз.).
13. Архив Управления образования Московской области. Архивная справка о пребывании в детском доме В. Г. Гехта.
14. ДАТО (Государственный архив Тернопольской области, Украина). Ф.Р. 274. ОП. 1. Ед. Хр.123. Л. 107 (Архивная справка № Г-2 от 20.02.2001г. О количестве расстрелянных евреев-жителей г. Бучач).
15. Совет народных депутатов г. Бучач (Украина). Справка №16 от 30.04.2001 г. О пребывании В. Г. Гехта в гетто.
16. Министерство обороны Российской Федерации. Выписка из протокола № 300 заседания Комиссии Министерства обороны от 31.05.1996 г. о признании В.Г. Гехта участником Великой Отечественной войны.
17. Семейный архив В. Г. Гехта (переписка о поиске родственников, 1958-2005).
18. Семейный архив В. Г. Гехта (переписка с Институтом Яд-Вашем о присвоении звания «Праведник Народов Мира» Иосифу и Варваре Заривным, 2004-2005).
19. Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941-1945 гг. М., 2002.
20. Гехт В. Г. Лишенный детства / Журнал «Корни», № 23
21. Гехт В. Г. Затянувшийся поиск корней / Журнал «Корни», № 25

22. Гехт В.Г. Подростки на войне / Журнал «Корни», № 28
23. Гехт В.Г. Я свидетель кровавых дел коллаборантов / Журнал «Корни», № 31
24. Гехт В.Г. Не детское дело – война / Журнал «Корни», № 32
25. Гехт В.Г. Глумление над растерзанными / Журнал «Корни», № 34
26. Гехт В.Г. Восстание в Белостокском гетто и участие в нем юных героев / Журнал «Корни», № 41
27. Забарко Б.М. Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Киев, 2006.
28. Катастрофа. Последние свидетели. Ред. З. Цукерман. М., 2002.
29. Катастрофа. Последние свидетели. Вторая книга воспоминаний. Ред. З. Цукерман. М., 2008.
30. Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины 1941 – 1944 гг. Хроника событий. Могилев-Подольский, 1997.
31. Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста. Киев, 2002.
32. Круглов А. И. Катастрофа Украинского еврейства 1941-1944 гг. Энциклопедический справочник. Харьков, 2001.
33. Круглов А. И. Хроника Холокоста в Украине. Днепропетровск – Запорожье, 2004.
34. Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины: евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933-1945 годах. Львов, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вступление.
2. Галиция. Местечко Бучач
3. Семья. Детство
4. Освобождение братских народов
5. Оккупация. Первые потери
6. Вон из собственного дома
7. Расстрелы. Гетто
8. Побег
9. Спасители. Праведники Мира
10. Светлый День Свободы
11. Сын полка
12. Несостоявшийся суворовец.
13. Детский дом

14. Многолетние поиски родственников
15. Счастливые мгновения
16. Удостоверение участника ВОВ
17. Подлинные документы
18. Судебный факт – признание узником гетто
19. Глумление над растерзанными
20. Улочка Агнона
21. Заключение
22. Архивные документы «Бучач – 1941-1944 гг.»
23. Юные солдаты Победы. Подростки на войне
24. Источники и литература
25. Приложения, фотодокументы и материалы